

ЧЕРКЕСЫ (АДИГЕ).

IV (*).

Характеръ черкеса.—Черкесская женщина и ея одежда.—Свобода дѣвушекъ.—Свадьба.—Павинопродавство.—Похищеніе невѣсты.—Свадебные обряды.—Музыка, пѣніе и пляски.—Черкесскія пѣсни.

Шаткость религиозныхъ убѣжденій и жизнь, проводимая въ постоянной опасности, сообщили черкесу такія особенности характера, которыя, въ основаніи своемъ, противорѣчатъ другъ другу. Въ народѣ, неизвѣстемъ никакихъ властей; каждый долженъ былъ заботиться о себѣ и объ общественной пользѣ, заводить связи и употреблять силу слова для огражденія своихъ интересовъ. Такое политическое устройство развиваетъ приустройство духа, быстроту соображенія, а постоянныя физическія упражненія и дѣятельность способствуютъ развитію тѣлесной красоты, гибкости и силы. Черкесы богато одарены какъ умственными способностями, такъ и красотой; но всѣ духовныя способности употреблялись на хищничество и войну. Между черкесами то семейство, въ которомъ одинъ изъ его членовъ не былъ убитъ или раненъ въ какомъ-либо сраженіи съ врагами, вошедшими въ предѣлы его родины, не пользовался уваженіемъ соотечественниковъ.

Храбрые по природѣ, привыкшіе съ дѣтства бороться съ опасностію, черкесы въ высшей степени пренебрегали самохвальствомъ. О военныхъ подвигахъ своихъ черкесъ никогда не говорилъ, никогда не прославлялъ ихъ, считая такой поступокъ неприличнымъ. Самые смѣлые джигиты (витязи) отличались необыкновенною скромностію: говорили тихо, не хвалились своими подвигами, готовы были каждому уступить мѣсто и замолчать въ спорѣ; за то на дѣйствительное оскорбленіе отвѣчали оружіемъ съ быстротою молніи, но безъ угрозы, безъ крика и брани.

Будучи чрезвычайно впечатлительны, черкесъ легко увлекался, но весьма скоро и приходилъ въ себя. Въ обращеніи съ соплеменниками былъ вѣжливъ, почтителенъ къ старшимъ, откровененъ, говорилъ смѣло и рѣзко то, что думалъ. Въ обращеніи съ русскими былъ всегда вѣроломъ, холоденъ, натянутъ. Легкомысленный на общанія, о скоромъ исполненіи общаго мало думалъ. Страхъ дѣйствовалъ на черкеса мгновенно и сильно, но онъ скоро оправлялся и потомъ съ необыкновенною настойчивостію продолжалъ

(*). См. „Военный Сборникъ“ 1870 г., № 3.

прежнее, какъ бы дорого за это ему не пришлось заплатить. Съ необычайною гибкостью переходилъ отъ пирушки къ дѣятельности, отъ молитвы къ воровству, отъ благочестія къ злодѣянію. Религія была его единственная опора; но когда онъ не боялся наблюденія за собою соотечественниковъ, то весьма легко уклонялся отъ исполненія религиозныхъ обрядовъ и правилъ. Эта черта характера проявлялась и въ бою. Когда черкесь находился въ составѣ партіи и принужденъ былъ сражаться въ присутствіи своихъ товарищей, то выказывалъ удивительную храбрость и необыкновенные подвиги самопожертвованія. Онъ зналъ, что подвиги его видятъ всѣ, что храбрость его съ избыткомъ будетъ вознаграждена общою молвою; но на одиночномъ хищничествѣ, гдѣ не было свидѣтелей его поведенія, черкесь навсегда хлопоталъ о блескѣ подвига, а старался скорѣе убить, ограбить или украсть что понало и затѣмъ убраться, избѣгая погони.

Черкесь всегда былъ жаждень къ деньгамъ: за деньги рѣшался на убійство, на казнь; но, получивъ деньги, готовъ былъ раздать ихъ кому попадется съ щедростью и легкомысліемъ. Ведя непрерывную войну съ русскими, черкесы часто за деньги были лучшими проводниками для купцовъ, доставлявшихъ рогатый скотъ гарнизонамъ различныхъ крѣпостей (*). Прихвѣры скупости были весьма рѣдки между черкесами; да и нельзя было быть скупымъ, когда въ обычаѣ народа утвердилось правило, что порядочный человѣкъ долженъ подарить вещь нуждающемуся по первому его слову или намеку. Стоило только похвалить чекмень, бурку, лошадь или другую вещь, какъ черкесь тотчасъ же дарилъ вещь ее. Эта щедрость составляла весьма важное условіе въ жизни черкеса, потому что бѣдный, ничего неимѣющій человѣкъ, могъ посредствомъ подарковъ тотчасъ же получить лошадь, оружіе, одежду и, такимъ образомъ, снарядиться на войну или на хищничество, а послѣднее давало уже ему средства къ существованію. Въ случаѣ, если онъ не получалъ просимаго въ подарокъ, то могъ взять вещь на поддержаніе, на два и даже на три года, а лошадь можно было взять для ѣзды, въ чемъ никто не отказывалъ, зная, что, когда онъ пообзаведется собственнымъ имуществомъ, то вознаградитъ съ избыткомъ тѣхъ, которые способствовали его поправленію. И если, съ одной стороны, черкесь не дорожилъ своимъ имуществомъ, то, съ другой стороны, когда дѣло шло на споръ, касалось его самолюбія, онъ готовъ былъ тягаться двадцать лѣтъ, за какого-нибудь украденаго у него теленка,

(*) Баронъ Сталь. Этнографическій очеркъ черкесскаго народа (рукопись). Повѣдка къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря С. Сафонова. Одеса над. 1837 года.

лишь бы только не уступить противнику, и тогда спорамъ и разбирательствамъ не было конца. Въ одномъ и томъ же человѣкѣ, страннымъ образомъ, соединялись: любовь къ приобретению, достигавшая до сутяжничества, и щедрость, доведенная чуть ли не до отрицанія права на свою собственность. Несмотря на видимое легкомысліе, черкесъ владѣлъ характеромъ энергическимъ и многостороннимъ, въ которомъ скрывалась твердая настойчивость и необыкновенное терпѣніе. Последнее, особенно въ страданіяхъ, считалось у черкесовъ однимъ изъ первыхъ достоинствъ молодого человѣка: Равнодушіе, съ которымъ они переносили боль, доходила до такой степени, что, въ этомъ случаѣ, легко было узнать между ними европейца, который могъ быть столько же безстрашенъ, какъ и черкесъ, но никогда не могъ сравниться съ нимъ въ терпѣливости.

Съ неподкупною любовью къ родинѣ, черкесъ сохранялъ твердую вѣру въ блестящую будущность своего народа. У полудняго человѣка любовь къ родинѣ проявляется безосознательною привязанностію къ мѣсту рожденія, къ обычаямъ, которые онъ считаетъ лучшими въ мірѣ. Насильственно оторванный отъ родныхъ горъ и ущелій, онъ тоскуетъ. Бывали частые примѣры, что изгнанный изъ общества и невѣдшій возможности явиться, безъ явной опасности, на родину, часто ночью пріѣзжалъ на родныя ему поля, просиживалъ цѣлыя ночи вблизи того аула, гдѣ провелъ молодость и съ разсвѣтомъ уѣзжалъ.

Для черкеса, жившаго въ маленькой независимой общинѣ, родина казалась ему бодьшою; онъ видѣлъ, что она независима, воюетъ и заключаетъ миръ съ такими же сосѣдями, какъ она сама—и это придавало ему гордость и сознаніе собственного достоинства. Все иноземное, иноплеменное черкесъ ненавидѣлъ; гордился своею родиною, въ которой считалъ себя человѣкомъ не послѣднимъ, а играющимъ часто весьма важную, по его понятіямъ, роль. Спросите черкеса: откуда онъ родомъ?—онъ отвѣтитъ: шапсугъ или бесленевецъ, но отвѣтитъ съ такою серьезностію, какъ бы былъ вельможею огромнаго государства. Сознаніе собственного достоинства развило въ характерѣ черкесовъ заносчивость, а необузданная свобода сдѣлала ихъ неуживчивыми, самонадѣянными и въ высшей степени гордыми.

Особенности характера мужчинъ перешли частію и на женщинъ, которыя не менѣе гордились своимъ происхожденіемъ, отлично знали старшинство родовъ княжескихъ и дворянскихъ и важность каждаго рода. Необходимыя по этимъ статьямъ свѣдѣнія передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, съ истинно-аристократическимъ отпечаткомъ.

Обращеніе черкесскихъ дѣвушекъ было скромно и исполнено достоинства. Красота ихъ съ давнихъ поръ не находила соперницъ: правильныя черты лица, стройный станъ, маленькія руки и ноги, поступь, походка и всѣ движенія являли что-то гордое и благородное. Всѣ, кто только могъ видѣть черкесскихъ женщинъ, свидѣтельствуютъ, что между ними встрѣчаются такія красавицы, при видѣ которыхъ невольно останавливаешься пораженный изумленіемъ. «Про черкешенокъ»—говоритъ очевидецъ—«можно сказать, что онѣ вообще хороши, имѣютъ замѣчательныя способности, чрезвычайно страстны, но въ то же время обладаютъ необыкновенною силою воли».

Чтобы составить себѣ понятіе о красотѣ черкесской дѣвушки или женщины, представьте себѣ прелестныя темнокаріе глаза, опущенныя шелковистыми рѣсницами; взглядъ дѣвушки—то спокойный, съ томнымъ и страстнымъ выраженіемъ, то устремленный вдаль и пылливо перебѣгающій съ одного предмета на другой. «Нѣжный румянецъ», пишетъ очевидецъ, «разлитый по маленькимъ щечкамъ, самыя формы нѣжныя, почти воздушныя и виѣсть столь совершенныя и пластичныя, все это, казалось, принадлежало возрожденной богинѣ любви. Съ другой стороны, дѣтски-спокойный взглядъ, благородно-обрисованное чело, розовыя линіи рта, которыя, казалось, скорѣе намекали на коралловыя уста, тѣмъ обнаруживали ихъ и что-то особенное во всей фигурѣ придавали дѣвушкѣ видъ такого благородства и достоинства, что всякое чувственное помышленіе исчезало при ея приближеніи».

Темно-каштановыя волосы, подстриженные по-горски, отдѣляли необыкновенно бѣлое, нѣжное лицо и довершали очарованіе.

Конечно, понятіе о красотѣ женщинъ есть понятіе относительное; нельзя сказать, чтобы всѣ черкесскія женщины безъ исключенія были красивы, но, во всякомъ случаѣ, онѣ служатъ лучшими представительницами прекраснѣйшаго блага, или, такъ называемаго, кавказскаго племени. Красотѣ ихъ очень много вредила осия, для предохраненія отъ которой не предпринималось никакихъ мѣръ; плоскость стана отнимала также много красоты. Обычай надѣвать на дѣвушку корсетъ съ ранняго возраста и не снимать его до замужства, дѣлалъ то, что грудь красавицы не развивалась, слѣдовательно, красота женщины теряла многое.

Корсетъ этотъ, надѣваемый подъ рубашку, носитъ названіе *яша-кафтанъ* (дѣвичій кафтанъ). Пша-кафтанъ состоитъ изъ кожаннаго, холщоваго или изъ какой другой матеріи корсета съ шнуровкою спереди и съ двумя гибкими деревянными пластинками, сжимающи-

ми объ груди. Плоская талия и неполная грудь, по понятіямъ черкесовъ, первое условіе красоты дѣвушки (*). Хотя корсетъ вѣдѣтъ съ ростомъ дитяти перемѣнялся и надѣвался съ единственною цѣлію дать дѣвушкѣ стройность и гибкость стана, но, сообщая красоту въ одномъ, препятствовалъ развитію груди, дѣлалъ ее чрезвычайно плоскою, а главное стѣснялъ движенія дѣвушки.

По выходѣ замужъ дѣвушки, молодой супругъ распарывалъ ивн-жаломъ шнуръ корсета, но дѣлалъ это съ особенною осторожностію, чтобы не захватить тѣла или сафьяна. Неловкость или ошибка, въ этомъ случаѣ, ставились молодому въ большое бѣдствіе. Рассказываютъ, что, послѣ снятія корсета, у молодой замужней женщины грудь вырастаетъ въ двѣ недѣли.

У абазеховъ и у нѣкоторыхъ шапсугскихъ фамилій дѣвушки не носили корсетовъ; оттого и женщины ихъ болѣе красивы и кокетливы.

Черкесскій женскій костюмъ чрезвычайно живописенъ. Поверхъ широкихъ сѣуженныхъ книзу шароваровъ, надѣвается длинная бѣлая рубашка изъ *бязи* (бумажнаго холста) или кисеи, разрѣзанная на груди, съ широкими рукавами и съ небольшимъ стоячимъ воротничкомъ. По талии рубашка стягивается широкимъ поясомъ съ серебряною пряжкой. Сверхъ рубашки надѣвается шелковый бешметъ какого-нибудь яркаго цвѣта. Бешметъ шьется короче колѣна, съ короткими выше локтя рукавами, полуоткрытый на груди и украшенный продолговатыми серебряными или другими металлическими застежками. На ногахъ легкіе красные, сафьяные чевяки, обшитые галуномъ; на головѣ круглая шапочка, съ небольшимъ околышемъ изъ смушекъ, обложенная серебрянымъ галуномъ; верхъ шапочки поветъ бѣлою кисейною чамою, съ длинными концами, падающими за спину. Изъ-подъ шапочки вытуса всегда распущенные по плечамъ волосы и придаютъ много прелести костюму и красотѣ дѣвушки (**).

Черкесы не скрывали своихъ дѣвушекъ; дѣвушки не носили покрывала, бывали въ мужскомъ обществѣ, плясали съ молодыми людьми и ходили свободно по гостямъ; каждый могъ видѣть дѣвушку и прославлять ея красоту. Замужнія женщины были скрыты для посторонняго глаза, въ сокровенныхъ комнатахъ сакли. Выхода изъ

(*) Воспоминанія кавказскаго оенцера. „Русскій Вѣстникъ“ 1864 года, № 11 и 12. Этнографическій очеркъ черкесскаго народа барона Стала (рукопись). Племя адыге Т. Маларова „Кавказъ“ 1862 г. № 32. Отъ Зауралья до Закавказья Е. Вердеревскаго. „Кавказъ“ 1855 г. № 30. Экспедиція въ Хакучи 1865 года. Антонъ Ршондковский. 3-й. „Кавказъ“ 1867 г. № 99.

(**) Жена черкеса. „Кавказъ“ 1847 г. № 11. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ атыхейскихъ племенъ. „Кавказъ“ 1849 г. № 36. Воспом. кавк. оенц. „Рус. Вѣстн.“ 1864 г. № 12.

своего жилища, женщина должна была закрываться, потому что, по словамъ Магомеда, «прелюбодѣннѣ глазами преступнѣ прелюбодѣннѣ дѣйствіями» (*).

Черкесскія дѣвушки были очень цѣломудренны, несмотря на предоставленную имъ свободу, и весьма рѣдко впадали въ ошибку. Нравственность черкесскихъ женъ была также довольно строга, но примѣры нарушенія супружеской вѣрности бывали нерѣдки, въ особенности у шапсуговъ, гдѣ женщины необыкновенно хороши. Тамъ, несмотря на ревность мужей, невѣрность женъ часто служила поводомъ къ кровавымъ сценамъ; не менѣе того, шапсуги любили волонитство. Еще не такъ давно женщины пользовались у нихъ гораздо большею свободою и каждая должна была имѣть любовника. Это служило вывѣскою достоинства женщины и мужа гордились тѣмъ, что жены ихъ любимы другими мужчинами. Теперь не то: любовь къ постороннему мужчинѣ считается чувствомъ неприличнымъ и надо скрывать ее въ тайнѣ. Но то что позволялось женщинамъ, то считалось во все времена постыднымъ для дѣвушки, и потому онѣ всегда тщательно сохраняли свое цѣломудріе. Съ раннихъ лѣтъ все мечты дѣвушки были направлены къ одной цѣли: выйти замужъ за безстрашнаго воина и чистому попасть въ его объятія. Малѣйшее увлеченіе со стороны мужчины приводило дѣвушку въ робость, и она съ неудовольствіемъ и страхомъ отталкивала отъ себя соблазнителя.

— Харамъ! (нечисто, запрещено) говорила она. Станешь моимъ мужемъ, все будетъ твое, а теперь ничего не позволю.

Черкесы рѣдко рано выдавали дочерей замужъ, и предоставляли часто имъ право выбрать жениха. На аульныхъ свадьбахъ дѣвушка могла видѣть молодыхъ людей, которые, въ свою очередь, давали ей замѣтить свою любовь взглядами и выстрѣлами въ честь ея, когда она танцевала; но разговоръ и какія-бы то ни было объясненія съ дѣвушкою не допускались. Черезъ друзей и довѣренныхъ лицъ молодой человекъ узнавалъ чувства дѣвушки, и тогда уже сватался. Хотя въ большей части случаевъ родители и не препятствовали дочери выбирать себѣ жениха, но случалось нерѣдко, что, давъ слово одному, способствовали другому, болѣе богатому и знатному, въ похищеніи своей дочери, а дѣвушка, равъ похищенная, становилась женою похитителя. Такая продажа дочерей хотя рѣдко, но случалась у черкесовъ и вызывала, со стороны обиженнаго жениха, кровавыя мщенія.

(*) Мусульманское право. Торнау. Изд. 1866 г.

Но основнымъ началомъ гражданскаго и уголовнаго права черкесовъ, невѣста составляла неотъемлемую собственность жениха. Если въ то время, когда невѣста находилась еще въ домѣ родителей, она была похищена другимъ, то женихъ не только былъ въ правѣ преслѣдовать похитителя, но обязанъ идти ему. Такое оскорбленіе принадлежало къ числу нестерпимыхъ обидъ и, для возстановленія своей чести, женихъ, по обычаю страны, долженъ былъ рѣшиться на самыя крайнія мѣры, чтобы только получить удовлетвореніе. Ссоры подобнаго рода вызывали всегда со стороны обиженнаго ужасныя сцены. Родители, содѣйствовавшіе похищенію, лишались колыма (выкупа за дочь), а невѣста принадлежала, по праву, первому жениху, если похититель не успѣвалъ на ней жениться (*).

Слѣдующая легенда хорошо рисуетъ характеръ и поступки обиженнаго.

То было давно, очень давно, въ тѣ блаженные времена когда черкесскія красавицы славилась далеко, когда вся страна блистала ими, какъ небо въ темную ночь блистаетъ звѣздами, а наѣздики какъ метеоры, какъ вихрь летали по Черкесіи, оставляя за собою кровавые слѣды. Какъ луна между звѣздами, блистала прекрасная Гюль, и какъ молнія сверкала знаменитый наѣздникъ Кунчугъ, созданный изъ дерзости, удалства и «готовый» на хвостъ чорта переплыть черезъ Азовское Море».

Гюль часто засматривалась на удалаго Кунчука, а онъ былъ равнодушенъ къ предестной дѣвушкѣ. Сердца ихъ стремились другъ къ другу, и вотъ Кунчугъ, казалось, былъ близокъ къ блаженству, могъ назвать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, потому что былъ женихомъ прекрасной Гюль. Онъ мечталъ уже о счастіи скоро назвать ее женою, какъ вдругъ несчастіе обрушилось ему на голову.

Однажды паша Азова былъ въ гостяхъ у сосѣда Кунчука. На праздниѣ этомъ была и прекрасная Гюль. Она поразила пашу своею красотою.

— Чья она? спросилъ паша.

— Невѣста Кунчука, отвѣчали ему.

— Что стоять? спросилъ опять паша.

Покупка турецкими сановниками черкешенокъ была не рѣдкость; плѣннопродавство существовало въ Черкесіи почти до нашихъ дней. Жители сѣверо-восточнаго берега Чернаго Моря вели съ доисторическихкихъ временъ обширную торговлю людьми, и многія греческія во-

(*) Учрежденія и народныя обычаи шапсуговъ и натухадцевъ Л. Люлье. Зап. К. О. И. Р. Г. Об. кн. VII изд. 1866 г.

лоніи, покрывавшія этотъ берегъ, обязаны были своимъ цвѣтущимъ состояніемъ единственно этой торговлѣ. Гаремы наполнялись черкешенками, торговля которыми, съ основаніемъ турмами крѣпостей Анапы и Сухума, еще болѣе усилилась. Вывозъ въ Турцію женщинъ производился въ такомъ большомъ количествѣ, что нѣкоторые приписываютъ черкешенкамъ улучшеніе турецкой породы.

Сцены торговли женщинами ежедневно повторялись на черкескомъ берегу, несмотря на всѣ старанія нашихъ крейсеровъ прекратить эту торговлю. «Не оправдывая черкесовъ въ этомъ дѣлѣ», говоритъ очевидецъ, «я не буду и строго судить ихъ. У мусульманъ дѣвушка, выдаваемая замужъ, равноѣрно продается: отецъ, братъ, или ближайшій родственникъ, у котораго она жила въ домѣ, будучи сиротою, берутъ за нее колымъ (плату, выкупъ). Черкесы притомъ же рѣдко продавали своихъ дочерей, а продавали туркамъ преимущественно рабынь или плѣнницъ, отдавая ихъ въ руки своихъ одновѣрцевъ». Въ этой продажѣ, смотря глазами продаваемыхъ, не было ничего оскорбительнаго ихъ человѣческому достоинству. Проданные почти всегда первенствовали въ гаремахъ богатыхъ турковъ, а когда на нихъ выпадала несчастная жизнь, то тутъ никто не винилъ продавца, объясняя, что проданной такъ было написано въ книгѣ судебъ. Почти каждая черкешенка, шедшая на продажу, мало горевала, лаская себя надеждою на будущія блага.

— Я здѣсь рабыня, говорила она, а тамъ, сказываютъ, буду непремѣнно госпожей; мнѣ дадутъ хорошія платья, дадутъ денегъ, я стану пересылать ихъ отцу и матери, а если будетъ много денегъ, такъ выкуплю ихъ на волю и перевезу къ себѣ за море.

Послѣ такого понятія туземцевъ о самой унизительной для человѣческаго рода торговлѣ, неудивительно, что паша, свыкшійся съ нравами черкесовъ, могъ спросить, что стоитъ Гюль: онъ зналъ, что за деньги можно купить на выборъ каждую черкешенку. Однако, на этотъ разъ, громкій смѣхъ присутствующихъ былъ отвѣтомъ на послѣдній вопросъ паши. Не оставляя своего намѣренія и плѣненный красотой дѣвушки, паша рѣшился, во чтобы то ни стало, приобрести красавицу. Часто тамъ, гдѣ не продаютъ явно, торгуютъ тайно: не одинъ возъ бархата, парчи, сукна и всякаго добра перешелъ тайкомъ изъ кладовой паши въ саялю отца Гюли. Она была продана...

Однажды утромъ, когда отецъ нарочно скрылся изъ дому, въ комнату Гюли вошелъ черкесъ.

— Кунчукъ требуетъ скорѣйшаго соединенія, сказалъ онъ ей

шестомъ; «отецъ твой саргга, онъ радъ будетъ, если ты убѣдишь къ жениху и тѣмъ забавишь его отъ надержекъ на свадьбу.

Гюль согласилась, и съ нетерпѣніемъ ждала наступленія ночи; но день тянулся ей невыносимо долго. Когда темнота покрыла землю «сорока покромали, а каждый изъ нихъ былъ черныи совѣсти ка-дія», тогда къ терновой оградѣ дома, гдѣ жила красавица, подѣ-хали человекъ двоять всадниковъ. Гюль вышла къ нимъ навстрѣчу и въ одно мгновеніе мчалась уже по стѣнѣ. Сердце ея билось отъ радости, что скоро увидитъ милого; но она ошибалась: на Кунчуковы были то посланные, а ноги подосланные пашею, и съ ними тотъ чернецъ, который утромъ приходилъ обмануть красавицу. Гюль очутилась не въ объятіяхъ Кунчука, а въ ненавистномъ ей гаремѣ пашѣ.

Долго несчастная не могла свыкнуться съ своимъ положеніемъ; едва паша приближался къ ней, какъ она грозилъ ему нижаломъ и кля-лась зарѣзаться, если онъ еще хоть на шагъ подступитъ. Бѣд-ная какъ смерть, она тосковала и проводила безсонныя ночи. Такъ прошло нѣсколько дней, и тотъ кто былъ виною несчастія молодой красавицы, тотъ сталъ орудіемъ ея освобожденія. Предавшій и об-манувшій Гюль чернецъ надѣялся сдѣлаться любимцемъ пашѣ и первымъ богачемъ Азова, но ошибся въ своихъ предположеніяхъ.

— Ты вчера предалъ свою госпожу; сказаль ему паша, а за-втра продашь и меня, если кто посулитъ тебѣ много золота: знаемъ васъ!

Затаивъ злобу, чернецъ остался служить въ стражѣ пашѣ, но съ твердою рѣшимостію отомстить ему; измѣнивши одинъ разъ, ему ничего не стоило измѣнить и въ другой—онъ сталъ теперь сообщникомъ Кунчука.

Бѣдный, опозоренный женихъ бросался изъ стороны въ сторону и искалъ случая возвратитъ красавицу и жестоко отплатитъ похи-тителю. Предложеніе чернеца было принято съ радостію, хотя въ душѣ онъ болѣе чѣмъ презираль измѣнника.

«Черныя тучи висѣли надъ Азовомъ; порой вырывалась изъ нихъ пламенная молнія, небо вспыхивало и снова темнѣло; дождь накрапы-валъ, громъ грохоталь глухо. Но городъ тихо засыпаль; огоньки одинъ за другимъ погасли, и только овалы часовыхъ на стѣнахъ крѣпо-сти прерываль его могильное безмолвіе.... Наконецъ, и то стихло».

Въ такую ночь, на одной изъ стѣнъ крѣпости стоялъ часовыхъ измѣнникъ-чернецъ. Онъ тихо спустиль въ ровъ лѣстницу и осто-рожно, какъ змѣя, поползъ къ кучѣ панцыряковъ, притаившихся на землѣ неподалеку отъ крѣпости. Подползшій шепнулъ что—то на

ухо Бунчуку—и сто броней тихо заскользали по травѣ такъ тихо, что и сама трава не слышала шелеста и звука копытугъ.

Изрубить стражу, разбить двери гарема и поджечь со всѣхъ сторонъ городъ, было дѣломъ одного мгновенія для отважной шахи удалыхъ — и прекрасная Гюль очутилась въ объятіяхъ Бунчука. Храброму джигиту было недостаточно, что онъ успѣлъ отнять и возвратить свою невѣсту: сердце его пылало мщеніемъ, и притомъ самымъ жестокимъ. Передавъ свою невѣсту въ надежныя руки товарищей, Бунчукъ, въ сопровожденіи измѣнника—черкеса, пошелъ отбивать пашу, чтобы отмстить за безчестіе.

— А, жирный песъ! съ яростію закричалъ Бунчукъ, увидавъ пашу; ты не умѣлъ цѣнить моей дружбы, такъ умѣй почувствовать злобу мою.

Бунчукъ обнажилъ саблю.

— Мы съ тобою еще успѣемъ раздѣлаться, но прежде мнѣ надо отдать долгъ за дружбу этому измѣннику, сказалъ паша, указывая пистолетомъ на черкеса.

Выстрѣлъ грянулъ, и проводникъ Бунчука повалился...

— Вотъ награда ему за услуги, проговорилъ паша, а теперь твоя очередь.

Другой пистолетъ блеснулъ въ его рукѣ, но было уже поздно: сабля Бунчука тяжело опустилась надъ черепомъ пашы, и, раздвоенный, онъ повалился къ ногамъ мстителя.

Азовъ пылалъ; въ подожженномъ городѣ кипѣла тревога. Партія Бунчука, захвативъ невѣсту, пѣвниці гарема и богатую добычу, спустилась по лѣстницамъ изъ крѣпости и скрылась въ степи. Одинъ Бунчукъ, оставшись на курганѣ, долго любовался дѣломъ своей мести, съ наслажденіемъ смотрѣлъ, какъ огненные языки огромнаго пламени лизали ненавистный ему Азовъ, но и онъ скоро оставилъ курганъ и присоединился къ своей семьѣ отважныхъ удалцовъ.

Достигнувъ береговъ Кубани, партія расположилась отдыхать. Наѣздники стреножили лошадей, построили два шалаша, одинъ для красавицы, другой для Бунчука, и старались веселостію превзойти другъ друга. Ночь прошла тихо и спокойно. Наутро черкесы увидѣли за собою погоню, и только тогда, когда она была уже очень близко. Отдыхавшіе не успѣли собраться; погоня настигла и черкесы падали подъ ударами непріятельскихъ шашекъ. Бунчукъ отправилъ невѣсту и пѣвниці къ переправѣ, но она была отрѣзана и занята непріятелемъ.—Перехоловъ своихъ лошадей и сдѣлавши изъ нихъ завалы, черкесы дрались отчаянно, однако ряды ихъ рѣдѣли, число уменьшалось. Бунчукъ уговаривалъ прекрасную Гюль отдать-

ся въ руки неприятеля; она не сопротивлялась. Тогда отчаянный любовникъ окатилъ одною рукою ея станъ, другою, управляя страшною саблею, просекъ, сивозъ толпу враговъ, къ берегу Кубани. Пораженный снѣдостью наѣдника, неприятель разступился; Кунчукъ уже на берегу... по берегъ высовъ, внизу кипитъ бурныя волны глубокой рѣки, а сади мечи непокорныхъ враговъ, значить смерти или вѣдь— и онъ съ разбѣга бросился съ обрыва. Волны съ шумомъ разступились и, спрячь навсегда подъ собою двухъ любовниковъ, бурно пѣлись в ялочка потоки обычнымъ путемъ...

Съ тѣхъ поръ кругой мысъ, видный съ восточной батареи Павловскаго поста, въ верстахъ пяти отъ него, вверху по Кубани, черкесы называютъ *Кунчуковъ стускъ* (*).

Мнѣніе, въ подобныхъ случаяхъ, не разбирало ни родства, ни дружбы; оскорбленный женихъ не щадишь ни брата, ни дяди, и только тогда смывалъ съ себя пятно безчестія, когда умалдывалъ на мѣстѣ своего обидчика. Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія была памятна многимъ подобная вражда между двумя двоюродными братьями Хамуранскими, кабардинскими князьями. Адель-Гирей и Асланъ-Гирей, такъ звали двухъ братьевъ Хамуранскихъ, поселились на Урунѣ. Между ними съ самаго малодѣтства возникло соперничество. Асланъ-Гирей былъ умнѣ, пользовался отличною военною славою, но невѣстенъ былъ какъ человекъ злой и мстительный. Адель-Гирей, имѣя менѣе ума, затемнялъ своего противника добротою и рѣдкою красотою лица. Около этого же времени появилась на Дабѣ невѣстная красавица Гуаша-Фуджа (бѣлая княгиня), сестра боснійскаго князя Айтеки Канукова. Оба брата почти одновременно домогались руки Гуаши-Фуджи, которой правила Адель-Гирей. Но такъ какъ Асланъ-Гирей былъ богаче, пользовался значеніемъ у русскихъ и вліяніемъ на черкесовъ и никому не прощалъ нанесенной ему обиды, то находили опаснымъ явно отказывать ему. Поэтому, не оскорбляя Асланъ-Гирей, Кануковъ обѣщалъ выдать за него сестру, съ условіемъ: *если она будетъ на то согласна*, а Адель-Гирей способствовалъ увести ее, какъ бы силою или обманомъ, въ чемъ приняли участіе всѣ кабардинцы, нелюбившіе Асланъ-Гирей. Послѣдній, узнавъ объ этомъ происшествіи, поклонялся, что братъ его недолго будетъ пользоваться своимъ счастьемъ. Преслѣдуя его вездѣ, пока друзья, по черкесскому обычаю, старались примирить ихъ

(*) Назвѣдъ Кунчука. Султанъ-ханъ-Гирей. „Кавказъ“ 1846 г. № 37 и 38. Воспом. кавказскаго офицера „Русскій Вѣст.“ 1864 г. № 11. О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ Н. Карлгова. „Русскій Вѣст.“ 1860 г. № 16.

посредствомъ шариата, Асланъ-Гирей отыскалъ Адель-Гирей, нашолъ на него и ранилъ выстрѣломъ изъ ружья. Последній, обороняясь, ранилъ, въ свою очередь, Асланъ-Гирей; случившіеся при этомъ кабардинцы розняли ихъ прежде, чѣмъ дѣло дошло до убійства. Асланъ-Гирей не хотѣлъ и слышать о примиреніи и сталъ истать встѣтъ, кто содѣйствовалъ похищенію Гуани-Фуджи. На Урупѣ образовались двѣ партіи, враждебныя другъ другу, и грабежи съ убійствами стали дѣломъ ежедневнымъ. Преслѣдуемый повсюду, Адель-Гирей, вмѣстѣ съ женою, бѣжалъ изъ-за Кубани въ Чечню, за Терекъ. Тогда Асланъ-Гирей, въ отищеніе Адель-Гирейю, убилъ его отца, а своего роднаго дядю, и самъ бѣжалъ къ абазгоцамъ. Такъ кончилась эта кровавая вражда двухъ братьевъ.

Несмотря на все ужасы подобныхъ сценъ, похищенія невѣсты у черкесовъ были весьма часты, и бракъ съ похищеніемъ невѣсты предпочитался обыкновенному браку.

— Отъ непохищеннаго мяса, говорятъ черкесы, у волка дѣлается оскомина.

Сутки, проведенныя дѣвушкою въ домѣ похитителя, дѣлали ее законною женою. Тогда никто не въ правѣ былъ отнять ее и дѣло обыкновенно кончалось третейскимъ судомъ, который назначалъ колымъ (выкупъ), слѣдуемый въ уплату семейству. Плата назначалась соразмѣрно достатку жениха, и потому очень часто бывала меньше той, которую ему пришлось бы заплатить, если бы онъ вздумалъ жениться путемъ обыкновеннаго сватовства.

Оттого черкесы и рѣшались на похищеніе и еще потому, что этимъ поступкомъ они освобождались, какъ ниже увидимъ, отъ издержекъ по свадьбѣ и отъ тягостныхъ церемоній во время сватовства. Надо прибавить еще и то понятіе, которое существовало въ народѣ относительно похищенія. Похитить невѣсту считалось дѣломъ молодецкимъ, такимъ, которое заслуживаетъ одобренія и подражанія. Кто не хищничалъ, тотъ не пользовался уваженіемъ въ народѣ, молодежь его преслѣдовала насмѣшками, *а жемчужны ея презирали*. Черкешенки любили славу и доблесть: молодость мужчины, его красота и богатство—это такія качества, которыя ровно ничего не значили въ глазахъ дѣвушки, если съ ними не соединялась храбрость, краснорѣчіе и громкое имя. Дѣвушка, не задумываясь, предпочитала сѣдаго удалыца юношѣ богатому и красивому. Другое условіе, чѣмъ руководилась дѣвушка при выборѣ жениха, было равенство происхожденія. Нигдѣ такъ строго не слѣдили за чистотою происхожденія, какъ между черкесами. Они были чрезъ-

вычайно разборчивы въ этомъ отношеніи, и такъ далеко заходили въ своихъ понятіяхъ о чистотѣ происхожденія, что княжеское званіе сохранялъ только тотъ, кто родился отъ брата князя на княжѣ. — Рѣдкая дѣвушка согласилась бы выйти, а еще болѣе рѣдкіе родители выдать свою дочь за человѣка, неравнаго ей по древности рода. Исключеніемъ могли быть только слава жениха и его громкое имя. Расскажу легенду, относящуюся къ выбору жениха.

Давно то было, когда, въ горахъ и среди непроходимыхъ лѣсовъ, жилъ кабардинскій князь Джанъ-Кличъ-Улудай. Деньги у него было что у солнца Ирана (персидскаго шаха?); рабовъ столько, сколько звѣздъ на небѣ. Самъ князь богатырь былъ, уносилъ съ чужаго двора быка на плечахъ, а идетъ по лѣсу — дубы передъ нимъ какъ тростинки валятся. Одинъ разъ вражій аулъ дани не внесъ: разсердился князь, свалилъ гору и задавалъ непокорныхъ. Кажется бы, чего не доставало князю, а онъ часто задумывался, хмурилъ брови, словно двѣ громавы тучи.

Кручинится князь, что нѣтъ ему равнаго, что нѣтъ жениха для дочери-невѣсты, Шекюръ-ханумъ, такой красавицы, которая могла бы быть жемчужиной среди райскихъ гурій.

Наконецъ Улудай собралъ къ себѣ своихъ узденей (дворянъ).

— Объявите, сказалъ онъ имъ, всему міру, отъ Дербента до Анапы, что лишь тотъ назовется моимъ зятемъ, кто совершитъ такое дѣло, какого въ горахъ еще никто не совершалъ.

Съ тѣхъ поръ удалые князья, видѣвшіе Шекюръ-ханумъ, не ѣли, не пили и не спали, а только мечтали о томъ, какъ бы оказать такую храбрость, чтобы стать достойнымъ красавицы, чтобы слава о подвигѣ, достигнувъ до ушей ея, проникла въ самое сердце, а это у женщинъ лучшій и прямой путь къ любви.

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ и другой; на дворъ къ Джанъ-Кличу прискакалъ витязь, закованный весь въ броню. По обычаю, уздени князя встрѣтили гостя, приняли лошадь, оружіе и отвели его въ кунахскую.

— Селямъ-алайкюмъ! (Благословеніе Господне надъ тобою) проговорилъ гость, наклонивъ голову и приложивъ руку къ сердцу.

— Алейкюмъ-селямъ! (Да будетъ благословеніе и надъ тобой) отвѣчалъ гордый хозяинъ, не вставая съ мѣста.

— Я Джембулатовъ, объявлялъ пріѣзжій.

— Добро пожаловать! Имя знакомое... слышалъ объ удальствѣ — сядись.

— Цѣлому міру извѣстно, началъ опять гость, какого жениха

ты хочешь для дочери. Ты зналъ моего отца: отъ Дербента до Анапы не было человека храбрѣе, сильнѣе и выше его. Когда, бываю, немнѣется во весь ростъ, то луна задѣваетъ за макушку его головы.

— Правда, отвѣчалъ Джанъ-Кличъ, великъ былъ твой отецъ, самъ его видѣлъ и старики говорятъ, что горы ему по плечи, но когда мой отецъ выпрямился, то твой проходилъ подъ его ногами....

— Пожалуй, перебилъ его гость, не будешь считаться отцами; скажу я лучше о себѣ. Собралъ пять тысячъ панцырниковъ, скакалъ я съ ними до Дона, разграбилъ русскія села и отогналъ пять тысячъ коней. Они тамъ на долинахъ, возьми ихъ въ колыги за дочь; я сдѣлалъ то, чего никто еще не дѣлалъ на свѣтѣ, отъ Дербента до Анапы.

— Ты сдѣлалъ славное дѣло; но Кунчукъ сдѣлалъ больше тебя: со ста панцырниками онъ ворвался въ Анапу, убилъ пашу, сжегъ городъ, освободилъ свою невѣсту и ускакалъ обратно. Будь моимъ гостемъ, но мужемъ моей дочери не будешь.

На слѣдующій день является новый гость и претендентъ.

— Переплылъ я черезъ Терекъ одинъ, безъ товарищей, началъ пришедшій; ночью прокрался мимо караульныхъ въ станицу, перекололъ сонныхъ двадцать человекъ, отрѣзалъ у нихъ правыя руки, зажегъ станицу, вышелъ никѣмъ непримѣченный въ общей суматохѣ, а тебѣ принесъ двадцать рукъ—вотъ они, перечти!... Я сдѣлалъ то, чего никто не дѣлалъ—отдай мнѣ дочь свою.

— Видѣлъ я пожаръ станицы, отвѣчалъ Джанъ, и слышалъ, что ты это сдѣлалъ, но хевсуръ Аната-Швили сдѣлалъ больше тебя. Изъ мести за смерть своего отца, онъ днемъ пришелъ въ кистинскій аулъ, въ домъ старшины, окруженнаго семействомъ, и на вопросъ: зачѣмъ явился? Аната отвѣчалъ: за твоею головой, въ отищеніе за смерть отца. Старшина захохоталъ, но Аната однимъ взмахомъ кинжала снялъ его голову, схватилъ ее, пробился къ выходу изъ сакли, прошелъ аулъ сквозь толпу кистивовъ, поражая на смерть всѣхъ встрѣчныхъ, убилъ тридцать человекъ, скрылся въ горы и, весь израненный, истекъ кровью на порогѣ родной сакли, принесъ домой голову убійцы отца своего.... Будь моимъ гостемъ, но мужемъ моей дочери—не будешь....

Много являлось молодыхъ князей разсказать свои подвиги Джанъ-Кличу, но не было между ними ни одного достойнаго руки прелестной Шекюръ-ханумъ.

Однажды Джанъ-Кличъ отпустилъ всѣхъ своихъ узденей (дво-

рлягъ) и нугеровъ (служителей) на хищничество за Терекъ, и только самъ одинъ остался въ домѣ. Дверь въ кунахской неожиданно скригнула; Джанъ-Кличъ обернулся—передъ нимъ стоялъ статный молодецъ.

— Добро пожаловать, что нужно? спросилъ онъ незнакомца.

— Пришелъ за твоею дочерью, отвѣчалъ тотъ.

— Ого, какой молодецъ! А знаешь-ли, что сотни славнѣйшихъ молодцовъ и удалцовъ всего свѣта напрасно домогались этой чести и никто не могъ получить!

— Знаю и смѣюсь надъ ними!—А я получу то, за чѣмъ пришелъ.

— Право?.. Что же ты сдѣлаешь такого, чтобы давало тебѣ право, быть счастливѣе сотни твоихъ предшественниковъ?

— Пока ничего, а сдѣлаю...

— Когда сдѣлаешь, тогда и приходи.

— Не гони! увидишь что сдѣлаю; но прежде ты слажи: самъ-то ты храбръ-ли, силенъ-ли?

— Слава Аллаху! отвѣчалъ Джанъ съ достоинствомъ: въ нашей фамилии еще не было труса и имени Улудая боится отъ Дербента до Анапы! А силенъ-ли я?... Вотъ дѣдовскіе панцири, модыни если можешь.... Я ношу ихъ на себѣ...

— О, да! ты храбръ и силенъ! ни тебя, ни предковъ твоихъ никто еще не побѣждалъ...

— И не будешь такого счастливца, отвѣчалъ съ самодовольствомъ Джанъ-Кличъ.

— Правда-ли?..

Вдругъ незнакомецъ вскочилъ, выхватилъ кинжалъ и приставилъ его къ груди Улудая.

— Слушай, сказалъ онъ ему: сопротивленіе напрасно, ты одинъ, а у меня — посмотри въ потолокъ — двѣнадцать нугеровъ цѣляютъ въ тебя.

Взглянулъ Улудай вверхъ и видитъ двѣнадцать дулъ направлены въ него сквозь крышу сакля.

— Я могу сдѣлать то, продолжалъ незнакомецъ, чего еще никто никогда не дѣлалъ: могу убить одного изъ Улудавъ, убить тебя.... Хочешь сдѣлать?

— Нѣтъ не хочу.

— Но ты согласишься, что могу сдѣлать то, чего еще никто не сдѣлалъ.

— Совершенно согласишься.

— И такъ я исполнилъ условіе, по которому могу жениться на твоей дочери.

— исполнилъ, и я исполню данное мною слово; но это еще не все.

— А что еще?

— Чтобы сдѣлаться мужемъ моей дочери, надо исполнить то, чего она требуетъ.

— Какъ такъ? объ этомъ не было объявлено.

— Нѣтъ, извини, условіе записано въ коранѣ Андреевскаго эфендіа Сулеймана.

Дѣлать было нечего; претендентъ, вмѣстѣ съ отцомъ, отправились къ красавицѣ. Прекрасная Шекюръ-ханумъ, сидѣла въ своей половинѣ на парчевыхъ подушкахъ, окруженная старухами. Красавица привѣтливо встрѣтила молодого и статнаго князя.

— Миѣ легко угодить, сказала она сладкимъ голосомъ, и съ ласковою улыбкою устремила на него свои взоры.

Князь отвѣчалъ, что готовъ для нея исполнить даже самое трудное дѣло.

— Сдѣлай самую обыкновенную вещь, сказала красавица. Если ты назовешь и сдѣлаешь сто дѣлъ, и не отгадаешь задуманнаго мною и извѣстнаго этимъ тремъ старухамъ, то я не буду твоею женою.

— Изволь... я совершу намазъ.

— Разъ! провозгласили старухи и черкнули угольемъ на стѣнѣ.

— Сдѣлаю пять омовеній.

— Два! просчитали старухи.

— Пообѣдаю.

— Три!

— Украду лошадь съ конюшни сосѣда.

— Четыре!

Сколько ни называлъ князь, по угадать не могъ, и дѣло самое обыкновенное не было названо.

— Ступай, подумай, сказала княжна, а то скоро будетъ то, что и ты потеряешь право на миѣ жениться.

Опечаленный, вышелъ князь изъ сакли невѣсты. Смеркалось; можно было ожидать скорого возвращенія узденей и нулеровъ Джанъ-Клича, и тогда, конечно, женихъ сдѣлался бы жертвой своего наглаго поступка.

Князь торопился опять въ саклю невѣсты, говорилъ ей самыя обыкновенныя вещи, дошелъ до девяносто-девяти и не угадалъ. По-

ложенье становилось крайне затруднительнымъ. Какъ бѣженный, выбѣжалъ молодой князь изъ сакли невесты; голова его горѣла, холодный потъ обдавалъ все тѣло, члены дрожали.

На дворѣ онъ слышитъ топотъ, видитъ чернящихся вдали усадней Джанъ-Клыча: смерть неизбежна.

— Я погибъ и храбрые товарищи! кричалъ онъ; пусть и она погибнетъ отъ моего кинжала—не доставайся никому! Князь съ гнѣвомъ бросился къ саклѣ, но въ это время изъ-за угла показалась старуха: она не удержала на языкѣ тайны, подовзала къ себѣ князя, шепнула ему на ухо и сама постыжно скрылась.

Тотъ выбѣжалъ въ саклю Шенюръ-ханумъ и, взволнованный, не могъ выговорить роковаго слова, а только показалъ на конецъ кинжала и баранью шкуру, которому обтачивается грудь черешенковъ.

— Я твоя! радостно вскрикнула княгиня и протянула ему обѣ руки.

— Будь остороженъ, не перань груди въ первый день брака, свазалъ Улудай... (*).

Бракъ у мусульманъ бываетъ трехъ родовъ: постоянный, временной и бракъ съ невольницею. Постояннымъ бракомъ каждый мусульманинъ можетъ сочетаться съ четырьмя женами. Временной бракъ допускается только у мусульманъ-шиитовъ и можетъ быть заключенъ на нѣсколько лѣтъ или на известное число сближеній мужчины съ женщиною. Бракъ съ невольницами разрешается только тѣмъ мужчинамъ, которые, по своей бѣдности, не могутъ содержать жены свободнаго происхожденія.

Хотя многоженство и допускается шагметанскимъ закономъ, но черкесы-шагметане и тѣ, которые исповѣдуютъ особую свою религію и установили у себя правило допускающее многоженство, рѣдко пользовались этимъ правомъ. По большей части, каждый имѣлъ только одну жену. Причина тому, во-первыхъ, бѣдность, и немнѣніе средствъ на содержаніе нѣсколькихъ жёнъ, а во-вторыхъ, равенство жёнъ и безпорядки отъ того въ семействѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда черкесъ обзаведлся нѣсколькими женами, онъ обязанъ былъ дать каждой изъ нихъ отдѣльную саклю и особую прислугу, что совершенно согласно и съ постановленіями ислама. Но и это не всегда удерживало прекрасный полъ отъ семейныхъ ссоръ и дразгъ. Жены, несмотря на отдѣльныя жилища, не въ

(*). Чеченская сказка „Кавказъ“ 1849 г. № 17. Авторъ назвалъ свой рассказъ чеченскою сказкою по тому только, что ему рассказывалъ чеченецъ. По своему же содержанію, она принадлежитъ къ быту черкесовъ.

состояніи были поладить между собою, и старшая жена, при малѣйшемъ предпочтеніи оказанномъ второй женѣ, наиримѣрь при неравномѣрной покупкѣ нарядовъ, дѣлала много непріятностей и беспорядковъ въ домѣ. Считая себя обманеною, первая жена призывала на помощь своихъ родныхъ. Начинались разбирательства и иногда дѣло доходило до того, что мужъ или разводился съ первою женою, или долженъ былъ отослать вторую домой. Всѣ эти причины заставляли черкеса отказываться отъ удовольствія имѣть нѣсколько женъ.

До вступленія въ бракъ, мужчина собиралъ свѣдѣнія о невестѣ черезъ своихъ родственницъ. Онъ разузнавалъ о физическомъ состояніи невесты, о ея дѣвственности, объ исполненіи ею обрядовъ мусульманской вѣры и способности имѣть дѣтей. По мусульманскому праву, между прочими качествами женщины, съ которою дозволено сочетаться бракомъ, требуется еще *селудъ* — способность имѣть дѣтей. На основаніи корана, женщина, немогущая имѣть дѣтей по старости лѣтъ, не должна выходить замужъ (*). По тому же праву, бракъ считается дѣйствіемъ гражданскимъ, договоромъ обоюднаго согласія и, предварительно вступленія въ бракъ, требуется исполненіе обряда сватовства, гдѣ, черезъ повѣренныхъ съ обѣихъ сторонъ, изъясняется взаимное согласіе на вступленіе въ бракъ. Согласіе обозначается часто присылкою особаго подарка. Въ свою очередь, женихъ, въ прежнее время, когда черкесы носили панцири и кольчуги, присылалъ панцирь въ подарокъ родителямъ невесты.

По короннымъ законамъ Магомеда, женщина, достигшая совершеннолѣтія, сама изъясняетъ свое согласіе на бракъ. Въ случаѣ малолѣтства невесты, изъясненіе согласія предоставляется опекуну, причемъ женщина, съ достиженіемъ совершеннолѣтія и при нежеланіи оставаться замужемъ, можетъ просить о разводѣ. Последующіе толкователи корана, для уменьшенія числа подобныхъ разводовъ, постановили различіе между опекунами. По ихъ толкованію, согласіе данное естественнымъ опекуномъ (отцемъ или дѣдомъ), считается непреложнымъ, и такая женщина не можетъ просить о разводѣ; прочимъ же опекунамъ предоставлено давать условное согласіе на вступленіе въ бракъ несовершеннолѣтней дѣвушки.

Сватовство съ колыбели было въ обычаѣ и у черкесовъ; обыкновенно вскорѣ послѣ рожденія дочери, друзья условливались, что когда у одного вырастетъ сынъ, а у другаго дочь достигнетъ совершеннолѣтія, то сочетать ихъ бракомъ. Проходило время; молодые люди, обрученные словами родителей, подрастали, не подо-

(*) Мусульманское право Торнау; изд. 1866 года.

зрѣвая, что судьба ихъ рѣшена. Съ наступленіемъ мальчику 17, а дѣвушкѣ 16 лѣтъ, ихъ объявляли о скоромъ счастіи ихъ ожидавшемъ, и несчастные, часто невидавшіе другъ друга, исполняли волю своихъ родителей.

У православныхъ черкесовъ, въ настоящее время, сватовство происходитъ между родителями, а, за неизбѣномъ ихъ, близкіе родственники отправляютъ къ отцу невѣсты двухъ стариковъ, а къ матери невѣсты старухъ, которыя и дѣлаютъ предложенія. Въ случаѣ согласія, назначается день, когда родственники жениха должны принести подарки въ домъ невѣсты. Въ этотъ день, преимущественно вечеромъ, въ домъ невѣсты собираются одни мужчинами. Поздравивъ старика-отца невѣсты и пожелавъ молодымъ счастья въ супружеской жизни, гости садятся за столъ. Родственники жениха приносятъ вино и подарки: нѣсколько перстней для невѣсты и матеріи на платье; все это передается ей матери. Послѣ этой церемоніи накрываютъ столъ, приносятъ закуску, и начинается угощеніе, среди котораго льются съ избыткомъ всевозможныя пожеланія жениху и невѣстѣ. Послѣдняя на такомъ вечерѣ не присутствуетъ; ее уводятъ изъ дому къ одной изъ родственницъ.

У остальныхъ черкесовъ, неправославныхъ и немагомтанъ, сватовство состояло въ отправленіи въ домъ невѣсты, съ однимъ изъ родственниковъ или пріятелей, коня, котораго сватающійся поручалъ отдать отцу, брату или кому нибудь изъ семейства невѣсты. Конь оставался, если предложеніе принималось, а въ противномъ случаѣ его отсылали обратно приславшему.

Послѣ сватовства, спустя нѣкоторое время, происходили смотрины и обрученіе. Въ назначенный день женихъ являлся въ домъ невѣсты и проводилъ время среди пиршества, сопровождаемаго обильнымъ количествомъ яствъ, вина, пляской и пѣніемъ. Съ наступленіемъ вечера, подружки наряжали невѣсту, выводили ее къ иврующимъ и ставили противъ жениха. Присутствующіе медленно подвигали невѣсту къ жениху, и когда они достаточно приближались другъ къ другу, тогда гасили огонь въ комнатѣ и соединяли ихъ руки. Въ этомъ, собственно, и состоялъ обрядъ обрученія, при которомъ родители невѣсты не присутствовали.

Послѣ обрученія женихъ приглашалъ къ себѣ родителей невѣсты для того, чтобы условиться о колыма, т. е. выкупѣ платникомъ обыкновенно женихомъ родителямъ невѣсты. Въ старину, у черкесовъ, относительно колыма, существовалъ прекрасный обычай: человекъ, желавшій вступить въ бракъ, но неизбѣвшій средствъ заплатить ко-

лымъ, собирать въ свой домъ какъ можно болѣе мужчинъ и об-
являлъ имъ свое желаніе жениться; тогда каждый изъ гостей дѣ-
лалъ ему подарокъ по своему состоянію.

Въ прежнее время, *колымъ* или *себенъ-хака* были чрезвычайно
высоки. Плата за вняжу обыкновенно состояла въ лучшемъ пан-
цырѣ, стоявшемъ двухъ рабынь; другой панцырь стоилъ одной ра-
быни; налокотники—одной рабыни, другіе налокотники и шинякъ—
одной рабыни; шашка—одной рабыни, еще шашка похуже пять ло-
шадей, изъ которыхъ одна должна стоять рабыни, а остальные безъ
опѣнки, но предоставлялись на выборъ родныхъ новѣсты. Въмѣсто
вооруженія, если его не было, дозволялось платить рабынями. За
дочь узденя (дворянина) платилось отъ 800 до 1,200 рублей, за
крестьянку отъ 200 до 300 рублей. Съ теченіемъ времени *колымъ*
значительно уменьшился: за вняжу платится теперь 500 рублей,
за вдову 300 рублей. У узденей первой степени за дѣвицу платится
350 рублей, за вдову 200, а у прочихъ узденей за дѣвицу 220
рублей, за вдову—150 рублей, а за *черныхъ дѣвокъ* 160 рублей.
У вольныхъ черкесовъ за дѣвицу 150 рублей, за вдову 100. У шап-
суговъ и у натухапцевъ *колымъ* состоялъ: за дочь князя отъ 50
до 60 сха, а сха равняется отъ 60 до 80 быковъ; за дочь дворя-
нина 30 сха, за дочь простолюдина 25 сха. Плата эта поступала
къ отцу, брату, или дядѣ новѣсты, а если у послѣдней нѣтъ вовсе
родныхъ, тогда можно жениться и безъ платы *колымъ*. У тѣхъ по-
колѣній черкесскаго народа, гдѣ не было такого сословнаго дѣленія и
гдѣ общественное благосостояніе было на весьма низкой степени
развитія, *колымъ* уплачивался мальчиками или дѣвочками: за княжну
отъ трехъ до восьми мальчиковъ или дѣвочекъ, а за простолюдинку
отъ одного до двухъ дѣтей. Дѣти эти пріобрѣтались покупкою, пре-
имущественно изъ дѣтей-рабовъ или захваченныхъ въ плѣнъ, и, за
нѣмнѣишемъ ихъ, часто замѣнялись соответственнымъ числомъ рога-
таго или другаго скота (*).

Часть *колымъ* выплачивалась или сразу, или въ извѣстные про-
межутки времени, а другая часть поступала въ *мехръ* новѣсты, ея
собственность, которую она получала послѣ брака, въ видѣ придан-
наго. Мехръ составляетъ собственность замужней женщины и даже

(*) О кавказской линіи и проч. Дебу. Зубовъ.—Картины Кавказскаго края ч.
III. Племя адига Т. Мазарова „Кавказъ“ 1862 г. № 31. Этнографичес. очеркъ
черкесскаго народа барона Стала (рукопись). Закубанскій край въ 1864 году; П.
Невскій. „Кавказъ“ 1868 г. № 98. Свадьба у православныхъ черкесовъ. Д. Ильинъ.
„Кавказъ“ 1868 г. № 111. Учрежденіе и народныя обычая шапсуговъ и нату-
хапцевъ Л. Любе. Зап. Кавк. отд. Им. русск. географ. общ. кн. VII изд. 1866 г.

не засчитывается въ наследство, которое ей слѣдуетъ, въ случаѣ смерти мужа. Послѣ развода, если мужъ снова нежелаетъ вступить въ бракъ съ тою же женщиною, онъ долженъ былъ назначить ей новый мехрь и соблюсти извѣстные условія, о которыхъ упоминается въ постановленіяхъ пророка. Отказаться отъ невесты безъ причины значило нанести оскорбленіе ей самой и ей семейству. При этомъ часть колыма, выдѣленная жениху, не возвращалась и, кромѣ того, онъ долженъ былъ къ выдѣленной части дополнить столько, чтобы составила половина условеннаго колыма. Собственно обрядъ бракосочетанія у черкесовъ—нагеметанъ заключался въ томъ, что, послѣ взаимнаго согласія на бракъ, брачующіеся, по мусульманскому закону, должны совершить предварительно два *рук'эма намаза*, съ произнесеніемъ особой молитвы. Кадій читалъ словесное объявленіе согласія и потомъ молитву.

— Слава тому Богу, произнеслъ онъ, который дозволяетъ бракъ и воспретилъ всѣ преступныя по прелюбодѣяннѣмъ дѣйствіямъ. Да восхвалятъ небесныя и земныя существа Магомеда!

Затѣмъ кадій составлялъ письменный брачный актъ, гдѣ точно обозначалось количество *мехра* и прочихъ обязательствъ, принимаемыхъ мужемъ на себя. Актъ этотъ, подписанный свидѣтелями (не менѣе двухъ) мужескаго пола, служилъ неоспоримымъ доказательствомъ совершенія брака. Въ концѣ обряда кадій провозглашалъ: *да поможетъ Богъ!* и читалъ первую *суре* (главу) изъ корана.

Въ этихъ дѣйствіяхъ и заключался весь релігиозный обрядъ мусульманскаго бракосочетанія. Тамъ, гдѣ не было кадія, каждое постороннее лицо могло составить актъ и прочесть словесное объявленіе согласія. При двухъ свидѣтеляхъ даже можно было обойтись и вовсе безъ письменнаго акта.

Послѣ совершенія договора, жена передавалась мужу и бракъ заключался иромъ.

Между князьями черкесскаго народа, въ прежнее время, существовалъ обычай, по которому князь, до свадьбы, отдавалъ свою невесту одному изъ почетнѣйшихъ лицъ, изъ числа своихъ подвластныхъ, у котораго она и жила нерѣдко въ теченіе цѣлаго года. Обычай этотъ, введенный съ древнѣйшихъ временъ, имѣлъ въ то время глубокое значеніе. Въ тогдашнія времена, князья одного и того же племени были все между собою въ близкомъ родствѣ и, по необходимости, должны были искать себѣ женъ у сосѣднихъ, часто отдаленныхъ, народовъ, различавшихся обычаями и нравами. Въ странѣ, какъ напримеръ Кабарда, гдѣ въ былое время князь считался блюстителемъ

обычаевъ и чистоты нравовъ, появленіе молодой дѣвушки могло вѣдать поводъ къ разнымъ толкамъ, и притомъ молодая княгиня, какъ иноземка, незнающая обычаевъ и условій быта племени, могла навлечь на себя упрёки, со стороны народа, за несоблюденіе его вѣранныхъ обычаевъ. Для ознакомленія съ ними своей невѣсты, князь набиралъ, для временнаго жительства своей будущей жены, домъ почтеннаго и отличающагося своими нравственными достоинствами чловѣка, въ семействѣ котораго она и приучалась къ семейнымъ и общественнымъ особенностямъ народа.

Воспитатель, принявъ къ себѣ молодую княжну, кормилъ ее, богато одѣвалъ, задавалъ безпрестанные пиры и, при передачѣ ей мужа, одаривалъ. Несмотря на всѣ эти хлопоты и расходы, охотниковъ на подобное воспитаніе было очень много: во-первыхъ потому, что оно считалось всегда величайшею честью, во-вторыхъ потому, что доставляло воспитателю связи наравнѣ съ кровнымъ родствомъ. Кроме того, князь при приѣмѣ жены всегда вознаграждалъ воспитателя подарками за понесенные имъ расходы. Такіе воспитатели, вообще у черкесовъ, были извѣстны подъ именемъ *теи-шармисъ*, т. е. куна.

Теи-шармисъ былъ и у остальныхъ сословій черкесскаго народа, съ тѣю только равницею, что пребываніе у него молодой не было столь продолжительное. Черезъ трое сутокъ женихъ отводилъ невѣсту къ себѣ въ домъ, съ разными пиршествами и церемонією. Голова и лицо молодой были покрыты наряднымъ платкомъ, который извѣстное время не снимался, и для снятія его назначался *хаметъ*, снятчикъ. Съ приходомъ молодой въ домъ мужа, отецъ ее присылалъ вѣрнаго своего чловѣка, *жемжарага*, друга, который оставался у молодыхъ цѣлый годъ, а потомъ отпускался съ подарками.

Черкесы смѣшанной религіи руководствовались своими особыми обычаями относительно брака. Послѣ обрученія и съ окончаніемъ переговоровъ о колымѣ, женихъ одѣвался въ самое старое платье, надѣвалъ на себя самое дурное оружіе и въ назначенный день, въ сопровожденіи друзей, отправлялся за невѣстой. Навстрѣчу ему, изъ аула невѣсты, выходила молодежь, срывала оружіе, всю верхнюю одежду, отбирала коня, словомъ обирала жениха такъ, что тотъ принужденъ былъ брать платье у кого-нибудь изъ пріятелей. Одѣтый въ чужое платье, онъ достигалъ до дому невѣсты, бралъ ее и отводилъ домой, гдѣ и оставдалъ подъ надзоромъ родственниковъ или друзей, а самъ скрывался у кого-нибудь изъ сосѣдей. Ежедневно, въ теченіе мѣсяца, съ наступленіемъ ночной темноты, друзья приводили молодого къ женѣ, съ которою ему дозволялось оставаться

всю ночь, а съ разсвѣтомъ онъ тайкомъ удалялся съ брачнаго ложа и скрывался опять въ дому.

Вообще у всѣхъ черкесовъ, кромѣ христіанъ, мужу дозволялось видѣться съ женою только тайкомъ, прокрадываясь ночью на свиданіе какъ воръ, и, сохранивъ Богъ, если разсвѣтъ заставалъ его въ саклѣ жонн. Тогда молодежь, узнавшая объ этомъ, сейчасъ же начинала въ насильственную стрѣлять по трубѣ женою сакли и сбивала ее пулями до самой крыши. Обычай этотъ особенно строго соблюдался въ первые дни женитбы, причемъ мусульмане, въ теченіе первой брачной ночи, извѣстной подъ именемъ *шебе-серафи*, обязаны были приступать къ супружескимъ обрятамъ не иначе, какъ со словами *бисмилласъ*—во имя Бога!

Видѣть жену днемъ, входить къ ней въ саклю и разговаривать съ нею въ присутствіи другихъ считалось предосудительнымъ: это могъ позволить себѣ только простоядинъ, и то ножкой, но князь и дворянинъ—никогда.

Отсутствіе молодого хозяина въ домѣ не мѣшало гостямъ веселиться. Они пировали, варили бузу и задалались виномъ для окончательнаго пира, на который приглашались сосѣди и всѣ жители аула и которымъ заканчивалась свадьба. Женихъ возвращался послѣ того въ свой домъ и вознаграждалъ своего пріятеля, у котораго жилъ во время свадьбы, быкомъ, коровою или чѣмъ нибудь другимъ. Здѣсь, на свадьбѣ, можно было видѣть самыя лучшія наряды, какіе только кто въ состояніи имѣть; холостые или молодые мужчины украшали себя всѣми пріобрѣтенными доспѣхами, дѣвушки—праздничною одеждою. Молодой человекъ, отличившійся рыцарскими ухватками, проворствомъ и силою, получалъ одобреніе стариковъ и право плясать съ тою дѣвушкою, съ которою пожелаетъ. Подъ звуки туземной музыки и старыя и малыя пускались въ плясъ (*).

Свадебный обрядъ черкесовъ—христіанъ также имѣетъ особенности, которыя нельзя пройти молчаніемъ.

За пѣснюлько дней до свадьбы назначается дѣвичникъ, на которомъ собираются дѣвушки и пируютъ присланными женихомъ съѣстными припасами. Последнему въ этотъ вечеръ дозволяется рассмотреть свою невѣсту въ окно, если до того времени ему не случалось ее видѣть.

(*) Мусульманское право Торнау; изд. 1868 г. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ. „Кавк.“ 1849 г. № 36. Три дни въ горахъ калалыскаго общества. „Кавк.“ 1861 г. № 84. Закубанскій край въ 1864 г. Невскій. „Кавк.“ 1868 г. № 98. Этнографичес. очеркъ черкесскаго народа барона Стала. Эпизодъ изъ жизни шапсуговъ. А. Рюцковскій 3-й. „Кавк.“ 1867 г. № 70.

Въ день свадьбы, часовъ въ шесть вечера, везутъ невесту въ церковь. Когда женихъ прїѣзжаетъ за невестой, то братъ невесты бьетъ плетью жениха за то, что онъ, какъ будто, отпинаетъ у него сестру.

Закрытую съ головы до ногъ толстою кисеею, невесту сажаютъ въ какой нибудь экипажъ, а остальные женщины размѣщаются на арбахъ и во всю дорогу играютъ на бубнѣ. Впереди ѣдетъ верхомъ женихъ; подлѣ него шаферъ и нѣсколько человекъ пошедежи, которые во время пути въ церковь и обратно джигитуютъ. Наѣздивши хватаютъ шапки со своихъ товарищей, смачутъ впередъ, тѣ ихъ догоняютъ; но вотъ шапка брошена вверхъ, раздалась со всѣхъ сторонъ выстрѣлы и шапка уже болѣе нигуда не годится.... Джигитовка эта происходитъ и во все время совершенія брачнаго обряда; молодые находятся въ церкви, а джигиты остаются за оградой.

Джигитовка одна изъ любимѣйшихъ черкесскихъ забавъ. Двадцать, иногда тридцать всадниковъ бѣшено носится по полю, показывая свою ловкость и смѣлость; на всемъ скаку они поднимаютъ съ земли разныя вещи и, своими граціозными движеніями, привлекаютъ взоры молодыхъ красавицъ.

За джигитовкою часто слѣдуетъ игра въ палки. Участники игры раздѣляются на двѣ партіи: на конныхъ и пѣшихъ. Первые, прикрывшись буркою, вооружаются нагайкою, а послѣдніе солидныхъ размѣровъ дубиною, которою и стараются нанести ударъ своимъ коннымъ противникамъ. Тѣ, конечно, увертываются, подставляють подъ удары бурку и, за налочные нобы, платятъ жестокими ударами нагаекъ. Игра эта представляетъ живую картину искуснаго и въ то же время забавнаго маневра, въ которомъ есть гдѣ выказаться и ловкости, и силѣ, и умѣнью управлять лошадью. Зрители ободряютъ побѣдителей, смѣются надъ побѣжденными и игра часто кончается увѣчьемъ, а иногда и смертью.

По возвращеніи изъ церкви, не доѣзжая до дома жениха, выносятъ на блюдѣ *полустака*: это мука, поджаренная на маслѣ и подслащенная медомъ, она кладется на тарелки и разрѣзывается на куски. Тарелку, вмѣстѣ съ полустакомъ, выхватываетъ изъ рукъ несущаго одинъ изъ ловкихъ джигитовъ и мчится вдоль аула; за нимъ смачутъ въ погоню нѣсколько другихъ всадниковъ, стараются отнять тарелку и кончаютъ тѣмъ, что тарелка бываетъ разбита, а полустака растоптанъ.

Молодые вѣзжаютъ на дворъ, гдѣ раздаются выстрѣлы; мужчины идутъ въ одну комнату, женщины въ другую; шаферъ выни-

нать шапку, рубить на перекладниъ двори изображеніе креста — символъ счастія, а отецъ и мать благословляютъ новобрачныхъ. Женихъ присоединяется къ мужчинамъ, невѣста къ женщинамъ. Она закрыта по-прежнему вуалемъ и остается такъ въ теченіе трехъ дней; на четвертый сутки шаферъ поднимаетъ концемъ шапки вуаль и дѣлаетъ молодой подарокъ.

Въ то время, когда молодые входятъ въ савану, съ криши ей одинъ изъ родственниковъ бросаетъ въ толпу народа, окружающаго савану, разные фрукты, а въ самыхъ коннетахъ происходитъ угощеніе. Въ нари уставлены кушаньями; на одной лавъ нихъ поставленъ кусть терновника, увѣшанный фруктами: кто осмѣлится взять хотя одинъ изъ висащихъ орѣховъ, того привязываютъ веревками къ перекладниъ потолка и держатъ такъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заплатитъ штрафа, сколько ни потребуютъ отъ него, смотря по состоянію.

Посреди нари, прислонясь къ одной изъ стѣнъ, сидятъ женихъ, около него одинъ изъ помилыхъ мужчинъ, подлѣ котораго лежатъ исталлическая тарелка. Стукъ вилочкой по тарелкѣ и звукъ ея возбуждаютъ е помиланъ гостя, который долженъ положить на тарелку какую-нибудь монету.

До начала ужина, сватъ ведетъ невѣсту, шаферъ жениха въ савану, гдѣ они и остаются, не принимая участія въ ужинѣ. Женихъ долженъ самъ раздѣть невѣсту, расшнуровать ей корсетъ, а если надѣется на свою ловкость, то распоротъ концомъ княжала. Съ уходомъ молодыхъ, подаютъ ужинъ, и тутъ-то начинаются нари и веселье (*): вино, выпиваемое въ значительномъ количествѣ, развзываетъ и языки, и руны; нетрезвое состояніе гостей свидѣтельствууетъ объ общемъ удовольствіи. Пляска дѣлается общою; самые дряхлыя старши, при громкихъ одобрительныхъ крикахъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, пускаются въ плясъ и выдѣлываютъ такія же, что молодые съ завистью смотрятъ на ихъ оживленные жесты, вызываемыя незатѣливой и негармоническою музыкою.

Музыкальные инструменты чересовъ немногочисленны и разнообразны: бубень, двѣ или три дудки, родъ свирѣли, съ круглообразными отверстиями, сиринна, балабайка и гѣчте въ родѣ лиры, впрочемъ очень рѣдко встрѣчаемой. Вотъ и всѣ роды инструментовъ.

Шапеугоной музыкальный инструментъ, камалъ, состоитъ изъ дудки, сдѣланной изъ стараго ружейнаго ствола и изъ нѣсколькихъ

(*) Свадьба у православныхъ чересовъ. Д. Ильинъ. „Кавк.“ 1868 г. № 111. Т. LXXII. Отд. I.

связанныхъ досчетчѣхъ, о которыхъ по временамъ ударялъ играющій. Во время игры на такомъ инструментѣ, вмѣсто аккомпаниента, гудѣли нѣсколько голосовъ, и нѣсколько человекъ подхлопывали въ ладоши.

Балалайка имѣла два видоизмѣненія и носила два различныхъ названія: *пшиннеръ* или *пшено* и *пшедекужука*. Пшиннеръ, длинная балалайка, похожая нѣсколько на виолончель, съ двумя натянутыми колесными струнами, во время игры упирается лѣвою рукою въ колѣно, а въ правую руку берется дугообразный смычокъ, которыми водятъ по струнамъ, издающимъ звуки глухіе, заунывные и однообразные, по причинѣ патриархальности устройства самаго инструмента. Точно такая же балалайка, на которой натянута три струны, носила названіе *пшедекужука*; на ней играли какъ на гитарѣ, безъ смычка.

Несмотря на такую простоту инструментовъ, небольшой ихъ выборъ и несатѣйливость издаваемыхъ ими звуковъ, чересы восторгались своею музыкою, веселились отъ души и часто, среди разгара пляски, поддерживали свои музыкальные инструменты битьемъ въ тѣхъ въ ладоши, стрѣляніемъ изъ пистолетовъ и винтововъ. Чѣмъ больше было выстрѣловъ, тѣмъ больше чести для танцующаго (*).

Существовали два рода танцевъ у чересовъ: *опираша* или *круш* (угръ), и *кафенъръ*, родъ лезгинки, которая танцуетъ однимъ мужчиной или одною дѣвушкой.

На средину площадки выходилъ обыкновенно молодой, шестнадцатилѣтній юноша, раздавались звуки лезгинки и юный танцоръ открывалъ начало народнаго танца. Сначала кругообразный ходъ его былъ медленъ, какъ медленны удары въ ладоши всѣхъ присутствующихъ. Потомъ музыка и удары въ ладоши дѣлались все чаще и чаще, а вмѣстѣ съ ними и *па* танцующаго дѣлались быстрѣе и живѣе. Можно было любоваться долго воодушевленіемъ танцующаго, его дикимъ огнемъ, неописанной энергіей его движеній и трудностями *па*, подражать которымъ невозможно, не научившись имъ съ малолѣтства.

Танцующій то становился на острые носки своихъ чевякъ, то совершенно выворачивалъ ноги, то описывалъ быстрый кругъ, мѣгиваясь на одну сторону и дѣлая рукою жестъ, похожій на то, какъ всадникъ на всемъ скаку поднимаетъ съ земли какую-нибудь вещь.

(*) О кавказской лезинѣ, Дебу; изд. 1829 г. Воспоминанія кавказскаго оеципера, „Рус. Вѣст.“ 1864 г. № 11. Отъ Зауралья до Закавказья Е. Вердеревскаго. „Кавказъ“ 1855 г. № 30. Эпизодъ изъ жизни шахсуговъ. А. Ршондковский „Кавказъ“ 1867 г. № 70.

Но вотъ, усталый и измученный, онъ останавливался передъ кѣги—набудъ изъ окружающей его толпы, дѣлалъ поклонъ и тотъ непремѣнно долженъ былъ плясать какъ умѣетъ: отказъ исполнить такое предложеніе и просьбу считался большою обидою танцовавшему. Такимъ образомъ танцующіе быстро смѣнялись другъ другомъ; но черкесы не любилъ танцовать безъ дѣвушекъ, такъ что на праздникахъ, гдѣ не присутствовали дѣвушки, танцевъ почти никогда не бывало. Одинъ изъ танцующихъ подходилъ къ дѣвушкѣ и дѣлалъ ей поклонъ и приглашеніе. Она выступала на средину круга и стыдливо опускала свои глаза. Танецъ женщины отличался отъ танца мужчинъ: она двигалась по кругу медленно, точно будто плавала или тихо скользила по полу, осторожно изгибалась, а больше держалась въ прямомъ положеніи, нарѣдка дѣлая умѣренные взмахи руками.

Но вотъ она остановилась, вызвала подругу. Вызванная начала кружиться съ самыми изящными граціозными движеніями, а вызвавшая, съ противоположной стороны, шла, танцуя, къ ней навстрѣчу. «Сначала онъ быстро вертѣлись въ кругу, вдоль рядовъ восхищенныхъ зрителей, кокетливо нагибаясь, по временамъ, къ которомунибудь изъ горцевъ или подругъ, смотрѣвшихъ на пляску; потомъ быстро носились одна за другою, съ плутовскою улыбкой и веселыми, смѣющимися взглядами, сходились и расходились.... Казалось, ноги дѣвушекъ не двигались въ то время, когда онѣ, съ быстротою стрѣлы, носились по кругу, съ неописанной граціей, взмахивая руками. Ничто не могло сравниться съ прелестью этихъ танцоровъ, очаровательною мимикой выражавшихъ природныя страсти жителей своей голубиной родины»....

Такой жизни и энергія не проявлялось у черкесовъ въ общихъ танцахъ, гдѣ мужчины и женщины составляли кругъ, въ родѣ того, какъ у насъ въ шестой фигурѣ кадрили, и, съ припѣвомъ *орираша*, котиконьку передвигались съ мѣста на мѣсто, пока не обойдутъ весь кругъ. Танецъ этотъ довольно монотоненъ; всѣ двигались молчаливо, главное, не дѣлая никакихъ быстрыхъ движеній, а только переступая вправо и влево, съ одной ноги на другую.

Кромѣ того, кабардинцы въ настоящее время часто танцуютъ, такъ называемый, *карачаевскій танецъ*, имѣющій комическій характеръ. Двое мужчинъ берутъ подъ—руки дѣвушку и, подъ тактъ музыки и мѣрлаго хлопанья въ ладоши, въ ногу какъ солдаты, переваливаются изъ стороны въ сторону. То она тѣсно прижимаютъ дѣвушку къ бокамъ своимъ, то отнимаютъ ее другъ у друга, то комично пока-

чиваются, какъ будто въ опяненіи. Тактъ постепенно ускоряется и пляска оканчивается совершеннымъ изнеможеніемъ танцующихъ (*).

Общая усталость прекращала танцы; плясуны усаживались въ кружокъ; на среднѣ выступалъ пѣвецъ и, послѣ нѣсколькихъ пролюдіи, затягивалъ пѣсню. Окружающіе хранили почтительное молчаніе, и свѣтъ огромнаго костра, разложеннаго въ скалахъ, то ярко, то тускло освѣщая ихъ внимательныя лица, представлялъ оригинальную и замѣчательную картину....

Черкесы любятъ поэзію и пѣсни. Въ прежнее время, у нихъ были поэты, *текоко*, слагатели народныхъ пѣсень. Они были по большей части простолюдины и рѣдко знали языкъ священниковъ—людей грамотныхъ. Такіе поэты высоко были чтимы князьями и дворянствомъ; они ходили въ бой и были впереди войскъ. Князья любили имѣть при себѣ пѣвцовъ и гордились ими. Умѣнье сочинять пѣсни во все времена глубоко уважалось. Замѣчательнѣйшіе наѣзники не пренебрегали рифмою и шшиперомъ. Магометъ—Анъ, одинъ изъ первыхъ богатырей за Кубанью, былъ отличнѣйшимъ импровизаторомъ. Пѣсни, особенно старинныя и притомъ о родныхъ герояхъ, составляли для черкесовъ святыню. Едва разнесется по горамъ вѣсть о смерти героя, какъ въ честь его тотчасъ же слагалась пѣсня. Родственники умершаго собирали къ себѣ всѣхъ извѣстныхъ пѣвцовъ. Вдохновеніе требуетъ уединенія, и потому пѣвцовъ на время удаляли изъ аула въ ближайшій лѣсъ, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ для жизни.

«Каждое утро пѣвцы оставляли свое общее временное жилище и расходились въ разныя стороны лѣса, гдѣ, въ уединеніи, слагали свои пѣсни въ честь героя. Вечеромъ они сходились вѣстѣ и каждый представлялъ собранію все, что ему дало вдохновеніе дня. Изъ этихъ отдѣльныхъ пѣсень, особенно хорошія мѣста служили матеріаломъ для составленія одной общей пѣсни».

Составивъ пѣсню, пѣвцы отправлялись въ аулъ, гдѣ къ тому времени приготовлялся пиръ. Пѣсня выслушивалась, пѣвцы получали награды и разнесли повую пѣсню по всему пространству, обитаемому черкескимъ племенемъ.

Съ принятіемъ магометанства, муллы и эфендія совершенно из-

(*) Втрояніа, религиозные обряды и предразсудки у черкесовъ Л. Дюлье. Записк. Кавк. отд. имп. русск. геогр. общес. книга V изд. 1862. Отъ Зауралья до Закавказья Е. Вердеревскаго. „Кавк.“ 1855 г. № 30. Описаніи въ Халучи 1865 г. А. Ржондовскій 3-й „Кавказъ“ 1867 г. № 99. Свадьба у православныхъ черкесовъ Д. Ильинъ. „Кавказъ 1868 г. № 111. Этнографич. очеркъ черкесскаго народа барона Стала (рукопись).

глады стихотворцевъ, и *секоко* болѣе не существуютъ. Теперь между черкесами появляются одинокіе странствующие барды, передающіе пѣсни, преданія старины, и импровизирующіе стихи на новыя происшествія. Черкесы чрезвычайно впечатлительны, легко воспламеняются пѣсню и разговоромъ. Этою чертою народнаго характера весьма часто пользовались люди, желавшіе овладѣть народнымъ мнѣніемъ и занять степень военныхъ начальниковъ и предводителей въ борьбѣ съ русскими. Задумавъ какое-нибудь предпріятіе, они отправляли по краю преданныхъ имъ импровизаторовъ, которые, прославляя ихъ умъ и дѣла, увлекали народъ въ ихъ пользу. Однимъ пѣвцамъ принадлежало исключительное право рассказывать подвиги черкесскихъ героевъ, потому что сами они, изъ скромности, никогда не говорили о своихъ подвигахъ.

Пѣсни слагаются болѣею частію или про храбровъ, или трусовъ, но преимущественно въ нихъ проглядываетъ молодечество наѣздовъ и похищеніе красавицъ.

Появленіе поэта-импровизатора на праздникъ составляетъ истинное удовольствіе для народа. Густая толпа тотчасъ же окружаетъ странствующаго барда. И вотъ среди двора садится, поджавъ подъ себя ноги, старикъ съ загорѣвшимъ лицомъ и обнаженною грудью; утвердивъ на колѣпѣ свой инструментъ, онъ извлекаетъ изъ него монотонные звуки и подпѣваетъ такую же монотонную свою пѣсню.

«Красавицы горѣ—поетъ онъ—на порогахъ саклей, за рукодѣліемъ, поютъ про подвиги храбрыхъ. На крутыхъ берегахъ кипучей Лабы, питомцы брани вьютъ арканы, а Темиръ—Казекъ, съ небесъ въ ясную ночь, указываетъ имъ сакли враговъ. И не на ладьяхъ, а грудью бурныхъ коней разсѣкаютъ они Кубани шумныя воды и пустыни безбрежныхъ степей пролетаютъ падучею звѣздой. Вотъ передъ ними древній Доңъ плещетъ и сѣдя волны катитъ; надъ волнами стелется туманъ; въ мгнистой выси коршунъ лишь черпѣтъ, а по берегу дѣшь робкія лани бредутъ....»

Для потѣхи публики, въ особую подставку инструмента пѣвца вѣта палочка, къ которой прикрѣпленъ деревянный конекъ-горбунокъ, вершка въ три, связанный въ суставахъ ногъ виточкой. Когда пѣвецъ водитъ по струнамъ пальцами, къ которымъ привязанъ шпурокъ отъ палочки, конекъ выдѣлываетъ въ тактъ уморительныя штуки и движенія. Старикъ тянетъ свою заунывную пѣсню, а толпа помираетъ со смѣху (*).

(*) Племя адиге. Т. Макарова. „Кавк.“ 1862 г. № 34. Назвадъ Кунчуга. Султанъ-хана-Гирея. „Кавк.“ 1848 г. № 37 и 38. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ

Часто пѣвецъ—импровизаторъ не употребляетъ вовсе инструмента. Онъ начинаетъ свой разсказъ довольно медленно, жѣрно ударяя черенкомъ ножа въ какую—нибудь звонкую вещь; потомъ тактъ ускоряется, голосъ его усиливается, и тихій речитативъ переходитъ въ звонкую пѣснь, воспѣвающую, напримѣръ, подвиги Керзекъ—Шрухуко—Тугуза, натухажскаго дворянина (*).

— Ахъ была когда—то блестящая пора свѣта! говорить импровизаторъ: тогда—то и первенство благороднаго удалства находилось въ рукахъ дворянъ Керзекъ (**).

«Старый Шрухуко—Тугузъ горитъ пылкой отвагой. Мракъ ночи для него то же что лунная ночь, а лунная ночь — верхъ всякаго блестящаго дня. Онъ обожаемъ толпой поклонниковъ, всегда густо тѣснящихся вокругъ него. Находясь въ обществѣ съ добрыми молодцами, старый Шрухуко—Тугузъ заставляетъ своихъ завистниковъ сгорать отъ досады, а враговъ пресмыкаться и льстить себѣ.

«Шрухуко—Тугузъ надѣдаетъ своей молодой женѣ непрерывными приношеніями шелковыхъ тканей.

«Въ несчастный день калаусской битвы, Шрухуко—Тугузъ, на бѣломъ вихревомъ конѣ, опередилъ спутниковъ и прежде ихъ очутился на противоположной сторонѣ рѣки.

«Не сопровождаемый войсками падишаха и не дожидаясь позволенія анапскаго наші, Шрухуко—Тугузъ рѣшается на подвигъ безпримѣрный, за что, впрочемъ, впоследствии получаетъ вмѣсто благодарности выговоръ отъ начальника янычаровъ—Янычаръ—аги.

«Ружейную стрѣльбу начинаетъ прежде другихъ, присоединяется къ обнажившимъ шашки, не оглядываясь назадъ, разить впередъ, опустошаетъ бастионъ, учится славѣ....

«Любя мусульманъ, презирая въ лицѣ генерала всѣхъ русскихъ, Шрухуко—Тугузъ упоенъ громомъ боя.

атыкскихъ племенъ. Шахъ-бекъ-Мурвина. „Кавк.“ 1849 г. № 34. Пятигорскій саяндаръ. „Кавк.“ 1846 г. № 17. Воспомин. кавк. оенцера. „Рус. Вѣстн.“ 1864 г. № 11. Письмо съ Кавказа Ф. Юхотникова. „Русское Слово“ 1861 г. № 4. Этнографичес. очеркъ черкесскаго народа барона Стала (рукопись).

(*) Полученіемъ этой пѣсни, какъ и многихъ другихъ матеріаловъ, я обязанъ А. П. Берге, которому и приношу глубочайшую благодарность.

(**) Молодое поколѣніе, говоритъ султанъ Крымъ-Гирей, которому принадлежитъ переводъ этой пѣсни, хорошо помнитъ натухажскихъ дворянъ первой степени, каковы были: Супако, Куйцукъ и Керзекъ. Изъ этихъ фамилій замѣчательнѣйшимъ представителемъ былъ изъ Керзекъ Шрухуко Тугузъ, и на Кавказѣ нечасто бывали такіе молодцы, какъ этотъ 70-ти лѣтній старикъ. Натухажцы воспыли старика, и пѣсни о немъ не переставали волновать молодежь до переселенія натухажцевъ въ Турцію. Предлагаемая пѣсня относится къ 1824 году, къ роковому году калаусскаго пораженія.

«Въ сраженіи Шрухуко повторяеть прииъръ кровавой сѣки славнаго Озернеса, сына Брена, а въ храбрости унодобляется младшему брату Озернеса, Темиркану (*).

«Шрухуко—Тугузъ потрясаетъ копытами своего коня русскій станъ, слова обиажаетъ яковую саблю и мчится на генерала.... Потомъ переселаетъ ближайшую русскую станицу, оставленную безъ защиты испуганными воинами, освобождаетъ плѣнныхъ собратьевъ и, затѣченныиъ героемъ, возвращается на родину.

«Гассанъ—паша (**), великій начальникъ Анапы, усыновляетъ Шрухуко—Тугуза и представляетъ его народу, какъ сына.—Седръ—азанъ (***) , племянникъ Гассанъ—паши, дѣтя себя мыслию взглянуть на героя, присылаетъ въ Тугузу пригласительныя письма. Шрухуко склоняется на просьбу седръ—азана и отправляется на кораблѣ въ Стамбуль. Знаменитый почитатель Шрухуко—Тугуза привѣтствуетъ его на падишахской пристани въ виду серала. Султанъ приказываетъ войскамъ отдавать всюду честь Шрухуко—Тугузу. Шейхъ—исламъ приветуетъ при появленіи героя въ стѣнахъ золотого серала. Герой османиъ драгоценностями. Онъ не утруждается поднимать неосторожно роняемые алмазы. Падишахъ и Стамбуль ликують въ честь Шрухуко—Тугуза....

«Такъ проходятъ дни... но храбрый черкесъ уже тоскуеть по родинѣ: въ Стамбуль нѣтъ ему равнаго, и онъ собирается въ обратный путь. Провожать его до падишаховой пристани объявлено по Стамбулу обязательнымъ для всѣхъ, а неподарившіе Тугуза осмѣяны всенародно.

«Бывъ такъ почтенъ османами, Шрухуко—Тугузъ, наконецъ, возвращается, и съ радостнымъ восмианцаіемъ вступаетъ въ испони родную землю».

Человѣку постороннему трудно уловить у черкесовъ то, что мы называемъ народною поэзію. Затрудненіе увеличивается отъ того, что новыя пѣсни быстро смѣняють старыя; каждый подвигъ, каждый новый бой рождаетъ новую пѣсню. Герой подвига восхваляется по заслугамъ; быть упомянутымъ съ похвалою въ пѣснѣ считается лучшемъ наградою. Импровизаторы, еще и теперь по просьбѣ родныхъ, часто сочиняють стихи въ похвалу наѣдникамъ, убитымъ въ дѣлахъ. Какъ только появится въ горахъ новая пѣсня, она быстро облетаеть весь Закубанскій край, но ея никто не спясываетъ

(*) Озернесъ и Темирканъ были знаменитые кабардинскіе герои. Новѣйшіе герои только унодобляются имъ, но не пользуются самобытною репутаціей.

(**) Старинныя-натухащцы вспоминають имя Гассанъ—паши съ уваженіемъ.

(***) Такъ называють черкесы турецкаго воелаго миваистра.

и пѣсня скоро забывается. Замѣчательно, что черкесы не пренебрегаютъ и своими врагами, отличившимися храбростію или смѣлостію: про нихъ также слагаются пѣсни. Такъ, черкесы воспѣваютъ подвиги генерала Вельяминова, котораго называютъ *кэмэл-генералъ*, или *генералъ-плижеръ*, т. е. красный генералъ, по причинѣ его рыжеватыхъ волосъ; славятъ дѣло Круговскаго у станицы Бекешевской 1843 года и подвигъ генерала Засса на Фарсъ въ 1841 году (*).

«Дѣти, не играйте шашкою» — поютъ они про Вельяминова — «не обнажайте блестящей полосы, не накликайте бѣды на головы вашихъ отцовъ и матерей: генералъ-плижеръ близокъ!»

«Близко или далеко, генералъ-плижеръ знаетъ все, видитъ все: глазъ у него орлиный, полетъ его соколиный.

«Было счастливое время: русскіе сидѣли въ крѣпостяхъ за толстыми стѣнами, а въ широкомъ полѣ гуляли черкесы; что было въ полѣ принадлежало имъ; тяжело было русскимъ, весело черкесамъ.

«Откуда ни взялся генералъ-плижеръ и высыпали русскіе изъ крѣпостей; уши лошади вмѣсто присошекъ, сѣдельная луна вмѣсто стѣны; захватили они поле, да и въ горахъ не стало черкесамъ житья.

«Дѣти, не играйте шашкою, не обнажайте блестящей полосы, не накликайте бѣды на головы вашихъ отцовъ и матерей: генералъ-плижеръ близокъ.

«Онъ все видитъ, все знаетъ. Увидитъ шашку на-голо, и будетъ бѣда. Какъ воронъ на кровь, такъ онъ летитъ на блескъ желѣза. Генералъ-плижеръ налетитъ какъ соколъ, залюбитъ какъ орелъ, какъ воронъ напьется нашей кровью (**).

Старинныя пѣсни про *пардовъ* (гитантовъ, богатирей) и про прежнихъ рыцарей глубоко уважаются, но онѣ очень рѣдки; большая часть ихъ забыта пародомъ.

Изъ историческихъ пѣсенъ народа одна воспѣваетъ сраженіе при урочищѣ Казъ-бурунъ, а другая о взятіи Дербента черкесами и татарами. Первая пѣлась за Кубанью, вторая у шапсуговъ.

Казъ-бурунъ составлена длиннымъ равнѣромъ, въ родѣ гекзаметровъ, и поется съ акомпаниментомъ пипинера. Вотъ ея содержаніе. Князь большой Кабарды, потомки Капарта, старшаго сына Иналова, хотѣтъ посадить для княженія надъ бесленѣвцами одного изъ своихъ князей, но у бесленѣвцевъ остался наследникомъ малолѣтній князь, пото-

(*) Этнографическій очеркъ черкесскаго народа барона Стала (рукопись). Военно-учений архивъ главнаго штаба.

(**) Воспоминанія кавказскаго офицера. „Русскій Вѣст.“ 1864 г. № 11.

моуъ Беслана, младшаго сына Инала, и потому бесленѣвцы сопротивляются. Князя большой Кабарды вооружаютъ; бесленѣвцы, какъ слабѣйшіе, приглашаютъ на помощь всѣ закубанскіе черкескіе князья и крымскаго хана. Собираются всѣ представители закубанскіе и здѣсь почти дѣлаетъ описаніе всѣхъ народовъ и князей, участвовавшихъ въ союзѣ, перечисляетъ дворянскіе роды. Союзники поднялись и двинулись въ большую Кабарду. Кабардинцы также собрались, заняли укрѣпленную позицію на рѣкѣ Баксанѣ и укрѣпили ее опрокинутыми арбами. Завязывается бой; темиргоевцы и бзедухи оказываютъ чудеса храбрости, растаскиваютъ арбы, врываются въ укрѣпленіе. Нобѣда остается за закубанскими черкесами и кабардинцы отказываются отъ своихъ притязаній.

Пѣснь, которую поютъ шапсуги, описываетъ взятіе Дербента (Демиръ-хану). Черкесы, по вызову крымскаго хана, пошли на Дербентъ. Въ составѣ ополченія было все лучшее черкесское дворянство, и князья Болозовы отличились въ этомъ походѣ такою храбростію, что крымскій ханъ далъ имъ право на чернаго хана (кара-ханъ, или кара-султанъ), т. е. что Болозовы имѣютъ всѣ права настоящаго хана надъ народомъ, вездѣ, гдѣ, онъ самъ, бѣлый ханъ, т. е. повелитель Крыма, не управляетъ лично народомъ. Черкесы говорятъ, что эта пѣснь есть редкостная книга ихъ дворянства, такъ что тѣ фамиліи, которыя непоименованы въ пѣснѣ, не принадлежатъ къ кореннымъ дворянскимъ фамиліямъ.

У шапсуговъ еще недавно существовала пѣсня о враждѣ ихъ съ крымскими ханами.

Съ древнѣйшихъ временъ крымскіе ханы, которымъ повиновалась тогда вся нынѣшняя кавказская область, населенная нагайцами и калмыками, которые, такимъ образомъ, оглябали съ сѣвера горы свои владѣніями, постоянно стремились утвердить свою власть въ горахъ.

Изъ народныхъ преданій и пѣсенъ видно, что крымскіе ханы, въ теченіе двухсотъ лѣтъ, вели войну съ черкесами, желая покорить ихъ своей власти, что много народа погибло въ кровавыхъ сѣчахъ, но ханы не успѣли ни совершенно, ни на долго оставаться повелителями черкесскаго народа. Безпрерывныя восстанія уничтожали только что упрочившуюся власть крымскихъ хановъ и всегда были одно или два поколѣнія черкесскаго народа, которыя, сохранивъ свою независимость, успѣвали и другихъ своихъ соплеменниковъ вызывать къ восстанію.

Война была кровопролитна; нѣкоторыя поколѣнія черкесскаго народа, напримѣръ хогайновъ, совершенно истреблено въ этой борьбѣ,

другое, жанѣвцы, до того потерпѣли въ войнѣ, что и по прошествіи ста пятидесяти лѣтъ не въ состояніи были оправиться и составляютъ весьма небольшое племя среди шапсуговъ.

Черкескіе народы, жившіе на подгорныхъ равнинахъ, хатюкайцы, темиргойцы, бесленѣвцы и даже кабардинцы, нѣкоторое время покорялись крымскимъ ханамъ; но шапсуги никогда не находились подъ властію Крыма и были покровителями всѣмъ своимъ единоплеменникамъ, желавшимъ освободиться изъ—подъ чуждой имъ власти. Война крымскихъ хановъ противъ шапсуговъ была всегда неудачна. Ханъ Девлетъ—Гирей, вторгнувшійся въ ихъ землю, былъ разбитъ на рѣкѣ Пшадѣ шапсугскимъ предводителемъ, княземъ Немира—Шубсъ. Въ этомъ дѣлѣ, по словамъ пѣсни, самъ крымскій ханъ былъ взятъ въ плѣнъ и, по предложенію предводителя черкесовъ, посаженъ на верблюда, привязанъ лицомъ къ его хвосту и отправленъ въ Джамите, по дорогѣ въ Крымъ.

— Поѣжай себя въ Крымъ, сказала Немира—Шубсъ плѣнному хану; но такъ какъ ты любишь шапсуговъ, то мы тебя такъ посадили на верблюда, что бы ты, ѣхавши въ Крымъ, все смотрѣлъ на наши горы.

У кабардинцевъ существуетъ пѣсня про хана Селимъ—Гирей; она относится къ тому времени, когда большая Кабарда была подъ властію крымскихъ хановъ.

Ханъ Селимъ—Гирей, съ своими войсками, собирався идти на Дербентъ, желая завладѣть имъ. Онъ прибылъ, съ частію своихъ войскъ, въ большую Кабарду, которая должна была выставить милицію. Кабардинцы сдѣлали заговоръ, истребили татаръ, убили самого Селимъ—Гирей и сняли съ него панцырь. Въ пѣснѣ, въ видѣ насмѣшки, говорится, что «кабардинцы съ крымскаго хана сняли кожу». Панцырь этотъ и до сихъ поръ хранится въ фамиліи князей Мисостовыхъ.

Въ одной пѣснѣ, которую поютъ у шапсуговъ, сохранилось описаніе кроваваго эпизода борьбы жанѣвскаго племени противъ крымскихъ хановъ. Неоднократно побѣждаемые въ битвахъ съ татарами, жанѣвцы, узнавъ, что противъ нихъ опять собираются крымцы, рѣшились побѣдить или погибнуть до послѣдняго. Каждый изъ жанѣвцевъ долженъ былъ участвовать въ бою и взять съ собою малолѣтнаго ребенка своего, чтобы, защищая его, не отступать ни шагу назадъ. Одинъ изъ жанѣвцевъ, не имѣя дѣтей, взялъ свою невѣстку и поставилъ за собою. Невѣстка, въ пѣснѣ, спрашиваетъ, что будетъ съ нею во время битвы, въ случаѣ смерти девера.

— Если я паду въ бою, отвѣчаетъ ей жанеевецъ, то трупъ мой спасеть тебя и народъ.

Завязывается упорный рукопашный бой; крымцы одолеваятъ. Одинъ татаринъ налетаетъ на жанѣвца, прирывавшаго своимъ тѣломъ невѣстку, и убиваетъ его. Но въ то самое время, когда онъ схватываетъ беззащитную женщину, чтобы увлечь ее въ пѣнъ, лошадь поскользнулась на трупѣ жанѣвца и татаринъ падаетъ съ лошади. Жанѣвцы убиваютъ татарина и снимаютъ съ него доспѣхи: это былъ моментъ оборота битвы. Жанѣвцы ободряются, татары робѣютъ, и, разбитые, отступаютъ....

Вотъ еще одна пѣсня, потерянная въ цѣломъ, но сохранившаяся частями, въ видѣ преданія, у шапсуговъ, темиргойцевъ и кабардинцевъ. По содержанію ея, кабардинцы и темиргойцы считаютъ себя выходцами изъ Арабистана. По преданію, кабардинцы и темиргойцы, до прибытія своего на Кавказъ, перекочевали въ Крымъ, гдѣ и жили очень долгое время. Недовольные ханами, они переехали черезъ Таманскій проливъ и поселились на Джингитейскомъ островѣ— въ устьѣ Кубани. Послѣ упорной войны, они удалились въ бакинское ущелье, на р. Адагумѣ. Крымцы и прочіе горцы вытѣснили ихъ и оттуда. Тогда кабардинцы поднялись цѣлымъ народомъ, двинулись къ Каменному мосту, на р. Малкѣ, и поселились на мѣстахъ нынѣ ими занимаемыхъ. На пути отъ Адагума кабардинцы, слѣдуя по подгорію, были постоянно преслѣдуемы непріятелемъ, такъ что, не имѣя отдыха, не могли похоронить умершей своей княжны и везли ея тѣло. Отъ этого путь отступленія кабардинцевъ, отъ бывшаго Ахметовскаго укрѣпленія до укрѣпленія Хумары, получилъ названіе *жадакъ-тляго*, т. е. путь покойницы.

Что же касается до мотивовъ пѣсень, то «пѣніе горцевъ», говорить Вердеревскій, «еще оригинальнѣе ихъ музыки. Представьте себѣ, что четыре пѣвца хоромъ тянутъ четырехнотную гамму, напримеръ съ *до*, останавливаясь на *фа* и потомъ опять спускаясь къ *до*; въ это время пятый, главный пѣвецъ, рѣзкой фистулой поетъ, во всю силу своего голоса, какой-то речитативъ въ ладѣ, но не въ тактѣ акомпанимента своихъ товарищей; въ это же самое время *пшено* (пшиннеръ) дѣлаетъ свое дѣло—и изъ всего этого выходитъ удивительная разногласица, въ которой однако же, мало по малу, привыкающее ухо европейца можетъ, наконецъ, различить какой-то мотивъ, какую-то смутную музыкальную мысль» (*).

(*) Отъ Зеуральа до Закавказья Е. Вердеревскаго. „Кавказъ“ 1855 г. № 30. Этнографическій очеркъ черкесскаго народа барона Сталля (рукопись).

Мотивы старинныхъ пѣсенъ похожи на грегорианскій церковныи напѣвъ, доказывающій, что музыка здѣсь родилась изъ церковныхъ пѣснопѣній. Христіанство исчезло между черкесами, но мотивы его молитвъ остались....

V.

Внутренній бытъ черкеса и его семейная жизнь.—Неограниченность власти мужа надъ женою, отца надъ сыномъ.—Положеніе въ семействѣ черкесской женщины.—Разводъ мужа съ женою.—Цѣломудріе женщинъ.—Рожденіе и воспитаніе.—Алчимость.—Похороны.

Внутренняя жизнь черкеса была всегда встревожена, всади взволнована: какойнибудь вопросъ да занималъ общество. То народное собраніе подымало на ноги весь народъ, или въ аулѣ проходило какое-нибудь разбирательство; то ходила въ народѣ ложная, преувѣдченная вѣсть о грозящей опасности; то сборъ партій, то набѣгъ; то дѣйствительное вторженіе нашихъ войскъ въ ихъ предѣлы, или, наконецъ, появленіе въ горахъ *шейха* (святаго), проповѣдывающаго покаяніе.

Въ послѣднемъ случаѣ, народъ, въ припадкѣ набожности, начиналъ съ воплемъ каяться, приносилъ въ жертву черныхъ барановъ, молился Богу, налагалъ на себя постъ и собирався слушать проповѣди *шейха*.

На большой полянѣ, гдѣ-нибудь въ лѣсу, недалеко отъ аула, собиравлось до трехъ тысячъ черкесовъ, образовавшихъ обширный полукругъ. Стоя на козлянахъ, въ снѣгу, съ пониженными головами, они жадно слѣдили за молитвою, произносимой громкимъ голосами нѣсколькихъ эфендіевъ въ бѣлыхъ чалмахъ и такого же цвѣта длинныхъ мантияхъ, накиннутыхъ поверхъ черкески. Воткнутыя передъ ними палки, съ полумѣсяцемъ, означали ту сторону, гдѣ лежитъ Мекка. Послѣ молитвы, проповѣдникъ читалъ главу изъ корана и говорилъ проповѣдь, убѣждавшую народъ не сблизяться съ глупами и драться съ русскими до послѣдней капли крови. Яркія картины проповѣдниковъ, общавшія райскія утѣхи павшимъ въ бою съ русскими и адскія муки, ожидавшія тѣхъ изъ нихъ, которые покорились, такъ были хорошо припоровлены къ понятіямъ и характеру черкесовъ, что сильно поражали ихъ воображеніе.

Впечатленіе, производимое проповѣдникомъ на предстоявшихъ, было очень велико: это можно было видѣть по быстро-измѣнявшимся выразительнымъ ихъ лицамъ. Но этого ему казалось недостаточно: онъ начиналъ проповѣдь только тогда, когда, своими словами, вызывалъ все

общее восклицаніе собравшейся толпы. Перечисляя всѣ грѣхи, при-
числяемые на душу черкесских племенами, призавшими надъ собою
силу русскаго закона, проповѣдникъ замѣчалъ, «что, во дошедшииъ
до него слушать, они—отъ чего да побавитъ Аллаха каждому право-
вѣрнаго, чаящаго вѣчной жизни—даже видѣть обличію, безъ чего ги-
туры не стали бы нѣхъ покровительствовать». Этого не вынесли чер-
кесы: они затрепетали отъ досады; неустовые крики смеребнѣи и
проклятїя вырываются изъ толпы....

— Харамъ! харамъ! (нечисто, запрещено) кричитъ толпа, покра-
ван послѣднїя слова проповѣдника.

Довольный дѣйствиємъ своей рѣчи и необузданномъ реверсїемъ сво-
ихъ слушателей, проповѣдникъ благословлялъ собраніе и всѣ разош-
лись по домамъ. Проходило два-три дня, самое большое недѣля,
и все забыто.... опять другой вопросъ занимается всѣмъ. Въ жизни
черкеса нельзя указать ни одного момента, чтобы онъ сидѣлъ смирен-
но; всегда есть какое-нибудь промышленїе, занимающее общество и,
преувеличенною вѣстїю, обгравяющее весь край. Только ненастные
дни, буря, да ночь заставляютъ каждый сидѣть дома и грѣться у
огня, домашнего очага, развалившись на разостланной полосты.

Простая домашняя обстановка черкесовъ убавлявала ихъ силь-
ныя ощущенїя; въ сараѣ было ему тѣсно, душно и грязно.

Дома безъ деревянныхъ половъ; недостатокъ бѣлья и одежды,
отсутствїе теплыхъ бань и орудия пища порождаетъ между тузем-
цами неслыханную нечистоту и самые отвратительныя навозныя бе-
дѣзны. «Кромѣ чесотки», говоритъ очевидецъ, «и всякаго рода злоса-
чественныхъ нарывовъ, я не разъ встрѣчалъ настоящую проказу,
видѣлъ дѣтей, у которыхъ шея и плечи были покрыты наростомъ,
похожимъ на рыбу чешую».

Черкесы вообще неопрятны; носить, не снимая съ плечь, бѣлизны
испещренныя заплатами и нагольные тулупы съ множествомъ раз-
наго рода нашивомыхъ; въ нихъ бараньей шапкѣ содержится чуть не
цѣлый возъ сѣна, щепокъ, отрубей и множество другихъ вещей.
Бѣдность и недостатокъ въ одеждѣ такъ были велики у абадзеховъ,
что только половина изъ нихъ имѣла рубашки, а остальные носили
одну черкеску, не снимая ее съ плечь. Дети до десятилѣтняго воз-
раста, особенно у крестьянъ, ходили или голыми, или въ одной ру-
башкѣ. Въ теплой одеждѣ и въ шубахъ нужда была такъ велика, что
изъ трехъ-тысячнаго сборниа абадзеховъ, для набїяга на нѣшу ан-
лію, достигали до р. Лабы не болѣе тысячи человекъ; а остальные
принуждены были возвращаться домой съ половины пути. Одежда

абдзеховъ состояла, по преимуществу, изъ грубой бумажной ткани, вытѣнчиваеюй ими у турокъ на женщинъ и дѣтей.

При такой бѣдности нельзя было и помышлять объ особенной чистотѣ. Черкесы высшаго класса и люди богатые держали себя гораздо чище и между ними не встрѣчалось накожныхъ болѣзней. Во всѣхъ же ослѣвляхъ черкесскаго народа женщины отличались большею опрятностію, чѣмъ мужчины, несмотря на то, что исполняли почти всѣ домашнія и грязныя работы. За неизвѣдѣемъ бань, женщины безпрестанно полоскались въ большихъ, совершенно плоскихъ, мѣдныхъ тазахъ и содержали свою одежду въ исправности и чистотѣ.

Непривлекательность обстановки была отчасти причиною, что черкесъ рѣдко проводилъ время въ селѣ, посреди семейства; только наступленіе ночи и вечерній сумракъ пригонялъ его домой, гдѣ хозяйка хлопотала объ ужинѣ, мѣшая безпрестанно въ котелкѣ, влищающѣмъ на желѣзной цѣпи надъ яркимъ костромъ. Оборванные ребятишки ползають на четверенькахъ по полу и съ криками протѣиваютъ свои ручки, ловя за полы свою мать, переливающую изъ ведедь въ корыто только-что надоенное парное молоко. Захлопотавшаяся женщина сердито прикрививаетъ на дѣтей и гонять ихъ прочь.

— Не до васъ мнѣ теперь, говорить она, подите вонъ, къ маму.

Дежачій передъ костромъ отецъ семейства считаетъ неприличнымъ пускаться въ нитивную бѣсѣду съ своею дражайшею половиною. Онъ ограничивается сухими, угрюмыми фразами, видаемыми нехота черезъ плечо, и очень похожими на мычаніе быка. Жена никогда не дерзаетъ назвать мужа по имени, ни въ глаза, ни за глаза, точно такъ же какъ и мужъ не снисходитъ до этого. Названія *онъ* и *она* замѣняютъ въ семейномъ быту черкеса собственныя имена мужа и жены.

— Подите къ маму! говорить женщина словиъ дѣтямиъ, улаивая на отца.

— Видите, что *она* занята, кричитъ отецъ, унимая дѣтей.

Приласкать дѣтей, поцѣловать жену считается предосудительнымъ. Вообще поцѣлуй у черкесовъ есть принадлежность только брачнаго ложа.

Черкесній дворянинъ проводилъ жизнь на лошади, въ воровскихъ набѣгахъ, въ дѣлахъ съ неприятелемъ или разѣзжалъ по гостямъ. Если же былъ и дома, то проводилъ весь день въ кунахской, гдѣ лежалъ или чистилъ оружіе, поправлялъ конскую сбрую, а чаще

ничего не дѣлаетъ. Въ минуты совершеннаго бездѣлья, онъ стругаетъ ножомъ наложку или нагѣваетъ нѣсомъ, аномчавируд на шивнерѣ. Ему и дѣла не было до того, что пролежало въ снѣгъ, съ которой онъ рѣдко видѣлся и ходилъ въ жемъ только вечеромъ. На послѣдней лежала обязанность смотреть за хозяйствомъ. Она ждала сукно, хелсть и одѣвала дѣтей и мужа съ ногъ до головы. Если у черкеса было нѣсколько женъ, то каждая изъ нихъ, занимая отдѣльное помѣщеніе, имѣла особое хозяйство, и поочередно обязана была готовить для мужа пищу и отнести ему въ кунахскую.

Книгина днемъ сидѣла за шитьемъ и тканьемъ галуновъ; сакля ея наполнена была женщишками и дѣвушками, занимающимися подъ ея руководствомъ. Въ присутствіи книгина работающія съ нѣю женщины соблюдали строгій этикетъ; за неприличное слово, даже движеніе, строго высккивалось. Жена одного изъ подвойныхъ князя позволила себѣ; въ присутствіи книгина Темиргоевской, жены Джембулата Айтокова, какое-то незначительное поприличіе. Книгина, не сказавъ ей ни слова, тотчасъ приказала вооруженнымъ прислужникамъ идти на выгонъ и ваять пару быковъ, принадлежавшихъ этой женщинѣ. Быки были приведены на княжескій дворъ, убиты и отданы на съденіе княжескому двору и прислугѣ, наполнявшей комнаты.

Черкешанки отличаются замѣчательнымъ искусствомъ въ работахъ; спорѣ явняется и разорвется самое платье, чѣмъ моннетъ шовъ сдѣланный ихъ рукою; серебряный галунь черкеской работы вѣршокъ и мящентъ. Во всемъ, что работали женщины, видѣтъ тонкій вкусъ и отличное практическое приспособленіе. Умѣнье хереше работать считалось, послѣ красоты, первымъ достоинствомъ для дѣвушки и лучшимъ приманкомъ для жениховъ. Замужнихъ женщинъ никто не видѣтъ; онѣ сидѣли дома, занимались дѣтьми и хозяйствомъ. Имъ дозволялось принимать у себя своихъ родныхъ обоюга пола, но коранъ воспрещаетъ входъ въ чужой домъ, безъ согласія на то хозяина.

Мужу предоставлено господство надъ женою, такъ какъ на него возложено содержаніе женъ. «Господь охраняетъ женъ», говоритъ коранъ, «черезъ некровительство мужа, в потому жена должна повиноваться мужу и сохранять всякую тайну». Мужья считаютъ своихъ женъ рабынями, существами безответными, которымъ даже не дозволяется жаловаться на мужа. Такое рабство происходитъ отъ обычая платить колымъ родителямъ за невѣсту.

По кореннымъ магометанскимъ законамъ, кромѣ мужа никто не

имѣть власти надъ женою. Мужъ, желающій наказати свою жену, обязанъ дѣлать ей сначала словесныя наставленія, потомъ, оставляя ее одну на супружескомъ ложѣ, воздерживаться отъ сношеній съ нею и, наконецъ, наказывать тѣсно, но безъ причиненія ушибов или ранъ. Въ послѣднемъ случаѣ, жена можетъ жаловаться кади, и тотъ подвергается мука тѣлесному наказанію.

Семейныя отношенія у черкесовъ были вообще грубы и деспотичны; отцовская власть на семейство неограничена. Глава семейства имѣлъ право не только лишить сына наслѣдства, но убить его, не подвергаясь за то, ни передъ кѣмъ, никакой отвѣтственности. «Та же неограниченная власть признается за общиною, которая имѣетъ право жизни и смерти, въ отношеніи каждаго своего члена».

Сынъ при отцѣ, младшій братъ при старшемъ говорить не смѣли. Молодой человекъ самаго высокаго происхожденія обязанъ былъ оказывать почтеніе каждому старику, вставать передъ нимъ, не саркашавая его имени уступать ему мѣсто, не садиться безъ его позволенія, молчать передъ нимъ, кротко и почтительно отвѣчать на его вопросы. Уваженіе къ старшимъ по лѣтамъ распространялось часто и на невольниковъ, которые не исключались изъ этого правила. «Хотя дворянинъ и каждый вольный черкесь не имѣетъ привычки вставать передъ рабочъ» — говоритъ очевидецъ — «однако же нѣтъ случая нѣрвѣдо видѣть, какъ они сажались съ собою за столъ прѣшедшаго въ кунахскую сѣдобородаго невольника» (*).

Жена могла бесѣдовать съ мужемъ только ночью, во время супружескихъ свиданій; присутствіе же мужа въ ея покои днемъ считалось предосудительнымъ. Жена не имѣла права прѣститься съ умершимъ мужемъ; ей не позволялось быть въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Мертваго сына матери дозволялось видѣть, но близко подходить къ нему или прѣститься съ нимъ нельзя. Женщины, въ опредѣленныхъ по закону случаяхъ, могли быть свидѣтельницами какъ по гражданскимъ, такъ и уголовнымъ дѣламъ; но показаніе ихъ принималось только при одинаковости показанія нѣсколькихъ мужчинъ. Показаніе однихъ женщинъ, какъ сви-

(*) Этнографическій очеркъ черкесскаго народа барона Сталля (рукопись). Вспоминанія кабардскаго оендера. „Русскій Вѣст.“ 1864 г. № 10, 11 и 12. Записки русскаго оендера бывшаго въ плѣну у горцевъ. Барона Торнау. „Кавк.“ 1853 г. № 1 и 2. „На Холмѣ“. Каламбикъ, „Русскій Вѣст.“ 1861 г. № 11. Выгнание оендера Кибарды, Н. Степанова „Кавк.“ 1861 г. № 82. Три дня въ горахъ кабардскаго общества. Кр-ій. „Кавк.“ 1861 г. № 84. Мусульманское право Торнау; изд. 1866 г. Обмачъ шаисуговъ и натухаидцевъ Д. Люлье. Записк. Кавк. отд. Им. рус. геогр. общества, книга VII, изд. 1866 г.

дѣтельница, принималось исключительно въ вопросахъ относительно рожденія, физическихъ недостатковъ женщинъ и родства по кормилицѣ. Женщины могли быть повѣренными въ дѣлахъ о бракѣ, разводѣ; могли быть назначаемы опекунами, если не было въ виду мужчинъ благочестивыхъ и достойныхъ. Надъ беременною женщиною воспрещалось совершать кровомщеніе и подвергать ее тѣлесному наказанію до разрѣшенія отъ бремени.

Кромѣ мужа, женщина можетъ показывать лицо только отцу, сыновьямъ, братьямъ, сыновьямъ брата и сестры, тестю, сыновьямъ мужа отъ другой жены и дѣтямъ, непонимающимъ еще различія половъ. Даже и между собою женщины должны соблюдать, въ этомъ отношеніи, нѣкотораго рода приличія. По суровымъ и воинственнымъ правамъ черкесовъ, считалось неприличнымъ мужу показываться внѣстѣ съ женою внѣ дома, а отцу касаться дѣтей своихъ при постороннихъ.

Несмотря на такое незавидное положеніе женщины, она все-таки могла считаться счастливою, въ сравненіи съ женщинами другихъ горскихъ народовъ. Хотя у черкесовъ на долю женщины и выпадали самыя тяжелыя домашнія работы, но это явленіе принадлежало къ обычаямъ народа, а не происходило отъ жестокости нравовъ. Случаи суроваго обращенія съ женщинами бывали очень рѣдки, и тамъ, гдѣ они встрѣчались, почти всегда виною тому бывала сама женщина. У черкесовъ, если женщина и не пользовалась самостоятельностью, за то пользовалась ролью прихотливо — оберегаемой игрушки. Она была сыта, одѣта всегда лучше мужа и прочихъ членовъ семейства, занималась рукодѣльемъ и зачастую мужъ работалъ внѣстѣ съ нею въ полѣ.

Черкесы чрезвычайно щекотливы относительно женской добродѣтели, ея нравственности, и мстили за оскорбленіе женщины жестоко.

Обида, нанесенная семейству обезчещеніемъ женщины или дѣвушки, могла быть, впрочемъ, покончена миролюбивымъ соглашеніемъ и тогда обидчикъ платилъ *пеню* изъ двадцати четырехъ головъ крупнаго скота; въ противномъ случаѣ, одно оружіе смывало безчестіе, и всѣ способы для удовлетворенія обиженнаго были дозволены.

Въ отношеніи поведенія и правъ на цѣломудріе, черкесы раздѣляли женщинъ на три категоріи: дѣвушекъ, замужнихъ женщинъ и вдовъ. Самая строгая нравственность требовалась отъ дѣвушки, и наблюденіе за этимъ возлагалось на родителей, передъ которыми дѣвушка и отвѣчала; женщина отвѣчала только передъ мужемъ, а вдова не отвѣчала ни передъ кѣмъ, могла дѣлать что ей угодно,

лишь бы только не нарушала общественной стыдливости. Вдова имѣла право жить какъ ей угодно, и никто не вправѣ былъ въшиваться въ ея дѣла, если не было нарушено приличіе. Если она была знатна, хороша собою и богата, то и въ полудикой Черкесіи могла надѣяться скоро выйти замужъ, даже послѣ многихъ любовныхъ грѣшковъ и похищеній. По обычаю народа, если женщина овдовѣетъ, одинъ изъ братьевъ покойнаго мужа можетъ на ней жениться; но это не было обязательно, я бракъ, въ случаѣ взаимнаго несогласія, могъ и не состояться. Вдовѣ предоставлялась въ этомъ случаѣ полная свобода.

Потеря невинности дѣвустою считалась не преступленіемъ, а несчастіемъ. Черкесы всю вину относили на соблазнителя, котораго ожидала непремѣнная смерть, если только онъ не могъ или не хотѣлъ жениться на соблазненной имъ дѣвушкѣ. Такой человекъ лишался правъ на гостепримство; ему не было пощады. Чтобы спасти свою жизнь, обольстителю оставалось одно средство: оставить свой аулъ и бѣжать къ сосѣдямъ или въ какое-либо отдаленное племя.

Нарушеніе супружеской вѣрности замужнею женщиною считалось тяжкимъ преступленіемъ, которое влекло за собою нерѣдко смерть женщины, а иногда рабство. Участника въ подобномъ преступленіи также убивали. Казнить преступную жену предоставлялось самому мужу. Въ прежнее время, онъ обрѣзывалъ кончикъ носа и выгонялъ изъ дому. Въ этомъ отношеніи, виды наказаній женщинами были чрезвычайно разнообразны и вполне предоставлены своеволію мужа. Онъ имѣлъ право убить преступную жену, не навлекая на себя кровомщенія и не дѣлаясь отвѣтственнымъ передъ ея родственниками. Онъ могъ просто развестись съ женою, не подвергая наказанію. Разводы допускались у черкесовъ и обыкновенно исполнялись отсылкою жены къ ея родственникамъ и требованіемъ возврата колыма. Разводъ, впрочемъ, требовалъ фактическаго доказательства виновности женщины. Мужъ, недоказавшій виновности своей жены, терялъ право получить обратно весь колымъ: онъ могъ требовать только одну половину его и лишался права требовать другую. Сверхъ того, мужъ, недоказавшій виновности своей жены, подвергался кровомщенію ея родственниковъ. Если жена сама бросала мужа и, возвратившись въ родительскій домъ, отказывалась жить съ нимъ, то колымъ возвращался мужу весь сполна. Всѣ затрудненія, сопряженныя съ разводомъ, дѣлали то, что мужья, какъ неограниченные властелины своихъ женъ,

чаще всего продавали ихъ вмѣстѣ съ незаконнорожденными дѣтьми туркавъ. Такъ поступали и родители съ дѣвушками, шавцами въ прелюбодѣяніе, съ тою цѣлю, чтобы какъ нибудь предать забвенію позоръ, падавшій на родныхъ, а болѣе потому, что для такихъ женщинъ, и въ особенности дѣвушекъ, не было уже возможности выйти замужъ въ своемъ краѣ (*).

Наполеяъ былъ еще одинъ видъ наказанія женщины за прелюбодѣяніе—судъ *шаріата*, отличавшійся, въ первое время, необыкновенною строгостію и кончавшійся почти всегда смертною казнію. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такого суда, сохранившійся въ памяти народа и выраженный въ народной легендѣ.

Въ большой Кабардѣ, вверхъ по правому берегу р. Баксана, тамъ, гдѣ оканчивается долина и начинаются Черныя горы, есть мысъ или выдававшаяся гора, названная народомъ *Кызъ-бурунъ* (Дѣвичій мысъ). Гора эта высока и крута къ сторонѣ рѣки, имѣетъ обрывистый уступъ, покрытый нѣрѣдка зеленью и кривчкватными колючками терна и жинновника. На ней, въ древнія времена, происходили собранія кабардинцевъ, приносились жертвы богамъ, творился судъ и расправа надъ осужденными и виновными, которыхъ сбрасывали со скалы въ пропасть (**).

Вырываясь изъ ледяныхъ ущелій, мелководный Баксанъ спускается къ Чернымъ горамъ, и, подходя къ *Кызъ-буруну*, какъ бы съ негодованіемъ отстраняется отъ него въ противную сторону; потомъ, опять поворачиваетъ къ скалѣ, съ шумомъ претекаетъ у самой ея подошвы, выходитъ на долину и далѣе течетъ тихо и спокойно.

Ниже этого мыса находились нѣкогда аулы одного изъ первостепенныхъ владѣльцевъ, князя Мисостова.

Одинъ изъ сыновей князя Мисостова, Али-Мирза, женился на прекрасной Зюльми, дочери князя Атажукова, человека не менѣе знаменитаго и богатаго въ большой Кабардѣ.

Будучи еще молодою дѣвушкою, во время народныхъ праздниковъ и увеселеній, красавица Зюльми обращала на себя вниманіе всѣхъ молодыхъ князей и первостепенныхъ узденей.

Большіе черные глаза ея, съ длинными рѣсницами и тонкими дугообразными бровями, обворожали каждаго, кто имѣлъ несчастье встрѣтиться съ ними; улыбка розовыхъ губъ открывала перламутровые

(*) Обычай шапсуговъ и натукаждевъ Л. Лялье. Записки Кавказс. отд. Им. русскаго геогр. общес. книга VII, изд. 1866 г.

(**) Бѣлые очерки Кабарды П. Степанова „Кавказъ“ 1861 г. № 82.

зубы; бѣлизна лица и шея спорили съ бѣлизною покрывала. Собираясь на праздникъ, гдѣ могла присутствовать Зюльми, каждый изъ мужчинъ надѣвалъ лучшее вооруженіе и старался, своимъ удаливствомъ и ловкостію, обратить на себя вниманіе красавицы.

Множество молодыхъ людей были плѣнены красотой Зюльми, но никто не былъ въ состояніи уплатить колыма, назначеннаго корыстолюбивымъ отцомъ, знавшимъ цѣну достоинствамъ своей дочери. Три панцыря, со всѣми приборами, три шашки лучшія въ Черкесіи, три коня и шесть кобылицъ, лучшихъ во всей Кабардѣ, да двѣсти *юсликовъ* (турецкая монета, около 5 рублей 67 копѣекъ)—вотъ колымъ, который былъ назначенъ за дочь князя Атажукова.

Богѣе всѣхъ полюбилъ прекрасную дѣвушку Канамать, одинъ изъ первостепенныхъ узденей; но все его имущество не составляло и половины того, что требовалъ отецъ за Зюльми, очарованной также Канаматою.

Зюльми любила смотрѣть на стройный станъ Канамата, на его быстрые, огненные глаза, орлиный носъ, красивые усы и вудрявую бороду. Она любовалась, когда онъ, въ малиновой черкесѣ, садился на сѣраго коня, и какъ вихрь летая на немъ, стрѣлялъ — всегда безъ промаха—въ брошенную вверхъ шапку, или когда, подъ звуки туземной музыки, отличался въ національной плясѣ.

Въ такія минуты Зюльми не спускала глазъ съ Канамата, который, видя это, только и думалъ о томъ, какъ бы овладѣть красавицею. Но колымъ былъ слишкомъ великъ, и напрасно Канамать ласкался къ отцу и братьямъ своей возлюбленной, напрасно старался вступить съ ними къ куначеству и, черезъ своего воспитателя, соглашать на уменьшеніе колыма—старый князь Атажуковъ былъ непоколебимъ, какъ гранитная скала.

Другимъ поклонникомъ прекрасной Зюльми былъ знаменитый хищникъ и джигитъ Девлетъ—Мирза, человекъ жестокой, угрюмый, но пылкій. Девлетъ былъ такъ бѣденъ, что не могъ и думать о томъ, чтобы пріобрѣсти красавицу цѣною колыма, и потому рѣшился добыть ее силою.

Пользуясь тѣмъ, что двоюродная сестра его, Фатима, была наставницею Зюльми, Девлетъ избралъ ее орудіемъ къ выполненію своихъ намѣреній. Открывшись въ своей страсти, Девлетъ просилъ Фатиму узнать мнѣніе о немъ красавицы, и, если оно благопріятно, то предложить ей побѣгъ.

Фатима принялась за работу. Однажды, будучи наединѣ съ Зюльми, Фатима заговорила съ нею о замужствѣ. Она перебирала по име-

намъ всѣхъ князей, которыхъ считала достойными быть женихами своей воспитанницы. Фатима выхваляла достоинства каждаго, а сама зорко слѣдила за лицомъ красавицы и за впечатлѣннѣмъ, произведеннымъ на нее тѣмъ или другимъ именемъ. Зюльми оставалась спокойною, пока имя Канамата не коснулось ея слуха. Молодая дѣвушка вздохнула и, какъ бы стыдясь своей слабости, покраснѣла. Хитрая Фатима стала еще болѣе выхвалять Канамата.

— Перестань, Фатима! отвѣчала Зюльми, я не могу быть его женою.

— Почему? спросила хитрая воспитательница.

— Онъ бѣденъ.

— Но онъ тебѣ нравится.

— Зачѣмъ такой вопросъ! отвѣчала смущенная дѣвушка.

— Я пошутила, чтобы полюбоваться твоимъ румянцемъ, сказала Фатима... А замѣтила-ли ты Девлетъ-Мирзу?

— Нѣтъ, отвѣчала Зюльми.

— Напрасно. Онъ лучше всѣхъ князей и узденей; онъ превосходитъ Канамата если не лицомъ, то стройностію, ростомъ, проворствомъ и силою. Онъ отлично владѣетъ конемъ, смѣло бросается съ утесовъ въ стремнины, шашка его рубитъ желѣзо, мѣтная пуля его сшибаетъ голову съ быстрой ласточки. Его страшатся всѣ джигиты, боятся завести съ нимъ ссору. Слава о немъ носится отъ Эндери до Анапы, куда онъ неразъ водилъ для продажи своихъ плѣнныхъ, и если бы ты знала какъ онъ тебя любитъ!..

— Оставь меня, Фатима, я никогда не буду и его женою.

— Почему?

— Онъ страшенъ, отвѣчала поблѣднѣвшая дѣвушка.

— Такъ тебѣ не нравится?... Я пошутила, чтобы полюбоваться твоею блѣдностію...

Девлетъ-Мирза и Фатима видѣли, что попытка ихъ не удалась, и скорѣ должны были покинуть мысль о похищеніи.

Зюльми вышла замужъ за Али-Мирзу, сына Мисостова. Молодой Али, оставшись послѣ смерти отца богатымъ наследникомъ, влюбился въ Зюльми, внесъ на первый разъ половину колыма и сталъ обладателемъ красавицы.

Али-Мирза былъ сухошавъ; всклокоченная борода, кривые брови, широкія губы и дикое выраженіе глазъ дѣлали изъ него что-то звѣрское. Сравнивая его съ Канаматомъ, Зюльми не могла не отдать преимущества послѣднему. Она не любила Али, а тотъ, замѣтивъ ея холодность, сталъ ревновать.

Недолго пользовался Али-Мирза своимъ счастьемъ: Девлетъ-Мирза рѣшился отыскать Зюльми и воспользовался своею дружбою съ Али-Мирзою.

— Знаешь-ли что, сказала однажды, во время охоты, Девлетъ Али-Мирзѣ: Бапамать, который вездѣ причется отъ насъ, крадетъ изъ твоего огорода тыкву.

— Какъ такъ? спросилъ озадаченный Али-Мирза.

— Да, онъ надѣялся прорѣзать своимъ кинжаломъ тотъ корсетъ, который тебѣ достался... теперь же думаетъ замѣнить это тѣмъ, что по вечерамъ лазить въ гаремъ твой.

Али-Мирза не вѣрилъ; Девлетъ уговаривалъ его убѣдиться въ истинѣ его словъ.

— Скорѣе хочу потерпѣть разореніе отъ уруса (русскаго), нежели видѣть это, отвѣчалъ Али-Мирза.

Девлетъ зналъ, что Али-Мирза видѣлъ нелюбовь къ себѣ Зюльми, что ревность нашла давно мѣсто въ его сердцѣ, а потому рѣшился довести дѣло до конца.

— Зачѣмъ не сказалъ мнѣ прежде, говорилъ онъ Али-Мирзѣ, что хочешь имѣть Зюльми? Всѣ знали, что она любитъ Бапамата, что тотъ хотѣлъ взять ее безъ колима. Я бы никогда не посоветовалъ тебѣ, безъ увѣренности въ расположеніи дѣвушки, покушать ее хотя бы за пару подковъ. Нѣтъ радости для нея пить изъ одной чаши съ тѣмъ, кого она не любитъ, а для тебя нѣтъ удовольствія обнимать ту, которая любитъ другаго. Такой союзъ—холодный трупъ *тляги* (мертвеца), привязанный къ тѣлу живаго, съ которымъ надобно жить и умереть, если не хватить мужества разорвать цѣпи союза.

Али-Мирза слушалъ все это съ мрачною задумчивостію. Онъ не возражалъ на совѣты своего коварнаго друга прогнать невѣрную жену къ отцу ея, но готовъ былъ отдать еще двойной колимъ за то только, чтобы пріобрѣсти любовь прекрасной своей супруги.

— Девлетъ! сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья: ты открылъ мнѣ такую тайну, которой вѣрить было склонно мое сердце, но я страшился думать о томъ... Змѣя, ты скоро почувствуешь всю силу моей надъ тобою власти!... Но если это ложь, Девлетъ, то, за нарушение моего спокойствія и за вмѣшательство въ домашнія тайны, ты будешь отвѣчать мнѣ своею жизнію.

— Али! отвѣчалъ разлучникъ: не забудь что я умѣю владѣть оружіемъ, и кто грозитъ мнѣ гибелью за правду, тотъ самъ пострадаетъ отъ неправды...

Минимые друзья разстались. Али былъ увлеченъ охотою, а Девлетъ круго повернулъ своего коня и скоро прѣхалъ къ аулу своего друга, на Баясанъ. Остановившись у своего знакомаго, онъ вызвалъ изъ сакли Али-Мирзы преданнаго себѣ слугу, переговорилъ съ нимъ и приказалъ позвать къ себѣ Фатиму. Въ мужскомъ костюмѣ, съ кинжалами у пояса, явилась она къ своему родственнику и, послѣ короткихъ переговоровъ, ушла обратно въ гаремъ Али-Мирзы, а Девлетъ уѣхалъ домой.

Почти въ полночь, мрачный и задумчивый, возвратился домой Али-Мирза. Дворникъ Шегень, тотъ самый, что былъ вызванъ Девлетъ-Мирзою, бросился къ нему принять лошадь.

— Не прѣзжалъ-ли кто сюда безъ меня? спросилъ Али.

— Кто смѣетъ, повелитель мой, отвѣчалъ вкрадчиво слуга, топтать, въ отсутствіи твоёмъ, ногами коня сѣнь гарема?—по....

— Что? перебилъ его Али.... говори.

— Можетъ быть, нечистая сила шайтана (чорта) въ человѣческомъ образѣ съ наступленіемъ ночи приходила и уходила отсюда...

— А гдѣ онъ былъ? спросилъ сердито Али-Мирза.

— Вотъ тамъ, сказалъ Шегень, указывая на саклю, гдѣ жила Зюльми съ Фатимою и съ другою старою женщиною.

— Кто еще видѣлъ его?

Шегень указалъ на двухъ другихъ прислужниковъ, которые подтвердили, что ночью какой-то черкесь входилъ въ гаремъ и выходилъ изъ него.

Подозрѣніе Али-Мирзы усилилось и, казалось, готово было подтвердиться. Желая однако оставить своихъ суевѣрныхъ слугъ въ предрасудкѣ о появленіи дьявола, онъ приказалъ призвать на другой день муллу для очищенія своего гарема отъ нечистой силы.

Бессонница мучила всю ночь Али-Мирзу; ревность грызла его сердце. Съ раннимъ разсвѣтомъ онъ послалъ на рѣку Чегемъ, въ аулы Джанхота, за эфендіемъ Бешегуромъ, который пользовался довѣренностью Мисоствоныхъ. Едва только Бешегуръ прѣхалъ, Али тотчасъ же повелъ его въ саклю жены. Зюльми и Фатима шли для Али кафтанъ изъ шелковой ткани. Подозрѣваемая женщина слышала уже рассказъ о вчерашнемъ появленіи шайтана въ образѣ чело-вѣка. Зюльми видѣла въ этомъ недоброе. Она поражена была просьбою Али-Мирзы, чтобы эфендій прочелъ молитву объ изгнаніи нечистой силы изъ его гарема и призвалъ на помощь пророка Магомеда, испослать ему миръ и спокойствіе, очистить жену отъ дурныхъ помысловъ, внушить въ ея сердце любовь и вѣрность къ мужу.

Больно было Зюльми слышать такое подозрѣніе мужа, которому она старалась быть послушною, какъ вѣрнѣйшая раба. Смиренно стала она на колѣни и, вмѣстѣ съ другими, выслушивала страшныя заклинанія, отъ которыхъ блѣднѣла и терзалась. Али не спускалъ съ нея ревнивыхъ своихъ взоровъ и въ блѣдности лица жены, ея тихихъ вздохахъ, способенъ былъ видѣть только одно—измѣну.

— Прощай, сказалъ онъ ей послѣ молитвы, я вижу твое безпокойство; мое присутствіе для тебя тягостно: ты меня не увидишь болѣе; я ѣду и даю тебѣ время успокоиться...

Али былъ въ необыкновенномъ волненіи.

— Смотри, сказалъ онъ, обращаясь къ Фатимѣ, ты погибнешь, *бажа* (лисица), если...

И, не договоривъ послѣднихъ словъ, онъ оставилъ сакль. Созвавъ къ себѣ уздепей, Али объявилъ имъ, что ѣдетъ на Кубань на нѣсколько дней, и просилъ Бешегура сопутствовать ему хотя до рѣки Малки.

Зюльми осталась въ своей саклѣ, пораженная какъ громомъ послѣдними словами мужа, а Фатима продолжала съ твердостью начатое дѣло. Она подозвала къ себѣ Шегеня и поручила ему, отъ имени Зюльми, звать Банамата на свиданіе. Шегень осѣдлалъ коня и ускакалъ.

Али-Мирза, во время ночлега на Малкѣ, открылъ вѣфендію свои подозрѣнія о невѣрности жены, признался, что только для большаго убѣжденія себя распустилъ слухъ о мнимомъ отъѣздѣ своемъ на Кубань и просилъ Бешегура, оставаясь съ нимъ, быть свидѣтелемъ всего того, что можетъ случиться. Получивъ согласіе, Али-Мирза въ слѣдующую же ночь поѣхалъ съ Малки обратно. Вдвоемъ съ Бешегуромъ, скрытыми путями, добрались они въ полночь до аула; привязали лошадей своихъ къ плетневому забору, а сами, пробравшись тихо черезъ задніе огороды, засѣли тамъ, что могли видѣть все происходившее во дворѣ и въ саклѣ-гаремѣ.

Стояла мрачная осенняя почь; луна, то показываясь изъ-за облаковъ, то опять скрываясь за нихъ, слабо освѣщала землю. Изъ ущелья дулъ порывистый вѣтеръ; Баксанъ, вздымаясь полноводьемъ, перевортывая камни, стремился съ таинимъ шумомъ, какой рѣдко слышали его обитатели.

Въ аулѣ давно всѣ спали; спалъ подъ буркою и старыи Бешегуръ, завернувшись въ сухіе листья кукурузы. Не спалъ одинъ Али-Мирза; онъ давно вынулъ изъ чакла свою выптовку и ждалъ незванаго гостя. Али сознавалъ, что, рѣшившись на такое предпріятіе, поступилъ крайне неблагоуразумно; что если ожиданія бу-

дутъ напрасны, тогда стыдъ станетъ послѣдствіемъ его необдуманности. Али готовъ былъ прямо и открыто идти на дворъ, но вдругъ услышалъ лошадиный топотъ, потомъ скрылъ ворота и увидѣлъ чеповѣка, тихо вошедшаго во дворъ. Али сталъ пристально всматриваться. Незнакомецъ украдкой пробирался къ саклѣ, гдѣ жила жена, тихо постучалъ, и оттуда скоро вышла женщина безъ покрывала; лица мужчины замѣтить было невозможно, но въ лицѣ женщины князь узналъ Фатиму.

Ревнивый мужъ наскоро взвелъ курекъ, хотѣлъ направить въ нихъ смертоносный выстрѣлъ, но темное облако задернуло луну и все скрылось въ густотѣ ночнаго мрака. Али-Мирза попыталъ къ мѣсту, гдѣ предполагалъ встрѣтить разговаривающихъ, но, по неосторожности, ударилъ ружьемъ о камень такъ, что произвелъ искры; разговаривающіе переглянулись, и, понявъ другъ друга, бросились въ разные стороны; но едва только незнакомецъ подошелъ къ воротамъ, какъ луна освѣтила его фигуру. Али прицѣлился.... выстрѣлъ грянулъ и незнакомецъ палъ на мѣстѣ.

Какъ бѣшеный звѣрь бросился Али на свою жертву, топталъ ее ногами, добивалъ прикладомъ и, нагнувшись надъ нею, узналъ Канамата. Съ бѣльшею еще яростію бросился онъ съ обнаженномъ кинжаломъ въ саклю Зюльми, думая, прежде всего, поразить преступную Фатиму, но той уже не было въ саклѣ. По первому звуку выстрѣла, она бросилась въ дальній огородъ, сѣла на приготовленную ей Шегенемъ лошадь и ускакала вмѣстѣ съ нимъ. Али-Мирза вошелъ къ Зюльми и, схвативъ ее за волосы, стащилъ съ постели. Не обращая вниманія на ея слезы, онъ повлекъ ее на дворъ къ тѣлу Канамата. Али занесъ уже кинжалъ, чтобы поразить невѣрную, но явившійся Бешегуръ и подвластные князя остановили разъяреннаго мужа. Эфендіи совѣтовалъ предать несчастную духовному суду. Али-Мирза согласился съ предложеніемъ, въ знакъ вѣчнаго разрыва съ женою обрѣзалъ ей волосы, наложилъ на руки цѣпи, одѣлъ въ рубище и, толкнувъ въ грудь ногою, въ знакъ презрѣнія, приказалъ посадить ее въ яму.

На слѣдующій день собрались члены шаріата. Обвиняемая потребована къ допросу. Двѣ старыя женщины подъ руки ввели подсудимую. Никто изъ судей не могъ видѣть, что выражало скрытое подъ покрываломъ лицо несчастной. Кадій раскрылъ алкоранъ и заклиналъ обвиняемую показать истину.

— Знаешь ли ты Канамата? спросилъ онъ.

— Знаю, отвѣчала Зюльми со слезами.

— Любила ли ты его?

— Любила, до замужства.

Кадіи улыбуется, замѣтивъ что она, должно быть, очень хитра, если думаетъ увѣрить присутствующихъ судей, что, полюбивъ кого-нибудь до замужства, можно разлюбить его, сдѣлавшись женою другаго.

— Сколько разъ ты видѣлась съ нимъ будучи женою? спросилъ опять кадіи.

— Ни разу, отвѣчала подсудимая.

— Въ кому же, думаешь ты, приходилъ онъ ночью?

— Я не видала.

— Былъ ли онъ у тебя въ послѣднюю ночь?

— Я спала и ничего не знаю.

— Но ты знаешь Банамата, перебилъ ее кадіи, и любила его, а что онъ посѣщалъ тебя, это доказываетъ трупъ, лежащій у ногъ твоихъ. И такъ ты виновата.

Подсудимую снова отвели въ сырую яму и скоро объявили приговоръ шаріата: преступницу сбросить живую съ высокой горы.

Двухъ черныхъ быковъ впрягли въ легкую арбу. Осужденную одѣли въ бѣлую пелену, обвѣтали голову бѣлымъ покрываломъ и, сложивъ на груди ея руки, обвязали такъ крѣпко, что она не могла пошевелиться. Младшій мулла сѣлъ въ арбу и держалъ несчастную между колѣнами, какъ обыкновенно отвозятъ умершихъ на могилы. Арба выѣхала со двора, окруженная конвоемъ и сопровождаемая членами шаріата, направилась въ баксанское ущелье, къ ближайшему мысу Черной горы. Али-Мирза, съ кровавою жаждою мести, спокойно ѣхалъ за вѣрною жертвою своей ревности....

Арба выѣхала на крутой мысъ. Почти полушертвая, поставлена была осужденная на краю пропасти. Мулла прочелъ отходную молитву.... казнь свершилась....

Падая съ уступа на уступъ, съ камня на камень, прекрасная и вѣрная мужу Зюльми скоро очутилась на днѣ пропасти, сдѣлавшись жертвою мстительнаго самолюбія Девлета, обманувшаго мужа. Посланные подняли трупъ и принесли его опять на гору, чтобы предать землѣ на мѣстѣ казни.

Едва только хотѣли зарывать трупъ, какъ вдали послышались вопли, перазившіе присутствующихъ, и съвоя толпу ворвалась женщина съ распущенными волосами. Равдирая себѣ лицо и грудь, захлебываясь собственною кровію, она голосила какъ изстуженная:

— Пойдите, злодѣи! — не рѣжьте ея....
 Ахъ! смальтесь надъ нею, невинна она!
 Въ ней сердце такъ чисто, какъ свѣтла струя;
 Душа непорочна, какъ въ небѣ звѣзда;
 Языкъ непричастенъ преступныхъ рѣчей,
 Смиренна, какъ голубь, незлобна она —
 Добрѣ овечки, вѣрнѣ всѣхъ женъ....
 О, прелесть ты свѣта! о радость души!
 Ни черныя очи, ни сладость въ устахъ
 Тебя не спасли отъ потѣбелѣ злой....
 Эвѣръ Али! омойся въ невинной крови!
 Коварный Девлетъ! Ты поспѣвѣ ему!
 Сестру ты обманомъ въ злодѣйство вводи,
 Съ Шегенемъ лукавымъ учите меня, —
 Пусть я призову Банамата къ себѣ;
 Ревниваго мужа пусть кровь закипятъ;
 Пусть мщеніемъ лютымъ онъ гнѣвъ утомятъ,
 И крови нашьешся невинной жены....
 Ахъ! рѣжьте злодѣи! — Терзайте меня!
 Я, я погубила.... невинна она!
 Ахъ! дайте отраду, — убейте меня!
 О, дочь моя! гдѣ ты? иду я къ тебѣ —
 Съ тобой неразлучно жила — и умру,
 Тебя погубила, и гибну сама....

Пѣвшая женщина бросилась къ ближайшему чернусу и, выхвативъ у него кинжалъ, мгновенно поразила себя, и пала, умирая, на ту, которую погубила невинно. Это была Фатима.

Надгробная пѣсть Фатимы поздно убѣдила Али-Мирзу въ невинности жены. Ему оставалось только оплакивать свою участь, заплатить *пеню* фамиліи князя Атажукова за безчестіе жены, и съ трудомъ примириться съ раздраженными братьями погибшей.

Девлетъ-Мирза скрылся; мщеніе стало невозможнымъ.

Али-Мирза, терзаемый грустью и упрекаемъ совѣстью, оставилъ свой домъ и, переселившись изъ Кабарды къ абадзахамъ, водилъ ихъ партіи въ русскіе предѣлы. Жители аула, считая мѣсто это нечистымъ отъ вліянія злаго духа, переселились съ рѣки Баксана на Урупъ, а ту гору, гдѣ двѣ насыпи скрываютъ прахъ двухъ погибшихъ женщинъ, назвали *Кызъ-бурунъ* (Дѣвичій мысъ), какъ свидѣтельство невинности погибшихъ (*).

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ; въ устахъ кабардинцевъ оста-

(*) *Кызъ-бурунъ* И. Радымицаго. Отечества. Записки 1827 года, т. 32.

лась только пѣсня Фатимы, да разсказъ о Бызъ-бурунѣ, вѣчною памятникѣ кровавой сцены и людской злобы....

Жестокое наказаніе за прелюбодѣяніе, относительно мужчины и женщины, существуетъ почти у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низкой степени развитія. Подобное наказаніе сообразно вполнѣ и съ духомъ магометанскаго ученія, которому слѣдуетъ большинство черкесскаго народа.

Мусульманское право повелѣваетъ за прелюбодѣяніе подвергать виновныхъ смертной казни, побіенію камнями, зарытію въ землю живыми, и только въ рѣдкихъ случаяхъ допускаетъ возможность ограничиваться тѣлеснымъ наказаніемъ. То же право признаетъ однако, что дѣти не должны отвѣчать за вину родителей, и потому не устраняетъ ихъ совершенно отъ наслѣдства. Дѣти, признанныя завѣдомо незаконными, и тѣ не теряютъ права на наслѣдство, если прочіе наслѣдники соглашаются на предоставленіе имъ права ходатайствовать по наслѣдству. Въ этомъ отношеніи, участь и положеніе подобныхъ дѣтей по мусульманскому праву лучше обезпечена, чѣмъ на основаніи другихъ законоположеній.

Рожденіе ребенка не составляло у черкесовъ ни особенной важности, ни особенной радости; оно не сопровождалось и никакими особенными церемоніями.

При рожденіи младенца его оставляли одни сутки на воздухѣ, безъ всякаго прикрѣпленія. Одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей, родственниковъ или пріятелей, дарилъ счастливому отцу корову, лошадь или овцу, смотря по состоянію, приносилъ хлѣбъ, вино и другіе съестные припасы и получалъ за то право дать имя новорожденному.

Имена новорожденнымъ даются совершенно произвольно. Вліятельные и богатые люди часто даютъ имена по названіямъ тѣхъ племенъ, у которыхъ воспитывается ихъ сынъ или живутъ сами: такъ встрѣчаются имена *Бесльмій*, *Убыль* и другія. Давшій имя ребенку, у нѣкоторыхъ племенъ черкесскаго народа, считался какъ бы вторымъ отцомъ новорожденнаго. На принесенныя имъ кушанья затѣвалась пирушка, которая собственно и обозначала семейную радость въ обыденной жизни горца.

Если новорожденный былъ первенецъ, то отецъ мужа снималъ съ своей невѣстки носимую ею на головѣ небольшую шапочку, съ околышомъ изъ смушевъ, повязывалъ ей голову косынкой и дарилъ молодымъ скотомъ или другимъ имуществомъ.

Послѣ родовъ, мужъ не имѣлъ сближенія съ женою около полутора года, до тѣхъ поръ пока ребенокъ не начиналъ ходить; по-

этому почти у каждого имѣлась въ запасѣ любовница, по большей части изъ рабынь. По прошествіи года, новорожденному мужскаго пола подносили оружіе, и если онъ его принималъ, то это считалось признакомъ его воинственности, составляло истинное наслажденіе для родителей и часто служило поводомъ къ празднествамъ и различнаго рода увеселеніямъ.

Бѣдные черкесы воспитывали дѣтей дома, и тогда мальчикъ до семилѣтнаго возраста находился при матери, а послѣ этого поступалъ въ распоряженіе отца, который училъ его владѣть ножомъ, кинжаломъ, верховой ѣздѣ и военнымъ упражненіямъ.

Князья и дворяне, тотчасъ послѣ рожденія, отдають мальчика на воспитаніе одному изъ достойнѣйшихъ своимъ подвластныхъ, а чаще всего къ одному изъ лицъ, принадлежавшихъ другимъ обществамъ. Воспитатель ребенка носить названіе *атамыка* и охотниковъ взять на себя эту обязанность бываетъ очень много, и тѣмъ больше, чѣмъ знаменитѣе и уважаемѣе отецъ новорожденнаго. Многіе хлопочуть объ этомъ за мѣсяць до рожденія ребенка. Младенецъ находится еще въ утробѣ матери, а желающіе быть его воспитателями оспаривають другъ у друга право принять его въ свое семейство и назваться *атамыкомъ* новорожденнаго.

Въ такіе споры родители будущаго ребенка не вмѣшиваются, считая это предосудительнымъ. Претенденты, разобравшись между собою, рѣшаютъ, кому быть воспитателемъ, и послѣдній ожидаетъ рожденія ребенка, какъ праздника, съ большимъ нетерпѣніемъ. Онъ отправляетъ заблаговременно въ домъ родителей бабуку и заготавливаетъ все для пиршества. Какъ только получить свѣдѣніе о рожденіи, пируетъ съ родственниками и знакомыми дня два или три, и затѣмъ уже принимаетъ къ себѣ новорожденнаго.

Часто, между желающими быть атамкомъ, возникаютъ такіе споры, что примирить ихъ нѣтъ возможности, и тогда князь принужденъ бываетъ согласиться, чтобы сынъ его, пробывъ нѣкоторое время у одного атамка, переходилъ потомъ ко второму, а отъ него къ третьему.

Такъ, Асланъ-бекъ, сынъ Джембулата Болотокова, темиргоевского князя, имѣлъ трехъ атамковъ. Первый былъ Куденетовъ, кабардинецъ, приближенный другъ Джембулата; послѣ, по добровольному согласію отца и Куденетова, Асланъ-бекъ былъ взятъ абадвехскимъ старшиною, Аджи-Аджимоковымъ. Между тѣмъ, шапсугскій дворянинъ Хаджа-Берзекъ, бывший нѣкогда атамкомъ самого Джембулата, укралъ его сына, Асланъ-бена, у Аджимокова и воспитывалъ его у

себя. По этому поводу произошла кровавая вражда между Аджигоковымъ и Берзекомъ; наконецъ обѣ стороны предались на судъ народный, началось разбирательство, на которомъ сказано было много рѣчей. Молодой Асланъ-бекъ былъ отнятъ у Берсека и возвращенъ Аджигокову, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ быть снова переданнымъ Берсеку, у котораго онъ и окончилъ свое воспитаніе.

Принявшій ребенка на воспитаніе пріобрѣталъ всѣ права кровнаго родства, и потому понятно, отчего такъ много являлось лицъ, желавшихъ породниться съ вліятельнымъ или богатымъ княземъ. Связь по аталычеству считалась у черкесовъ священной. Не только семейство аталыка становилось роднымъ своему воспитаннику, но часто случалось, что жители цѣлаго селенія, общества и даже страны считали себя аталыками воспитаннаго между ними ребенка снатной фамиліи. Такъ, всѣ медовеевцы называли себя аталыками князя Каранурзина, а всѣ абадзехи аталыками темиргойскаго владѣтеля, Джамбулата-Айтеки.

Обычай аталычества много способствовалъ примиренію и сближенію между собою разноплеменныхъ горскихъ семействъ. Кроме того, при такомъ способѣ воспитанія, дѣти пріучались говорить на чужихъ нарѣчіяхъ, что, при существовавшемъ разноязычій, для нихъ бывало весьма полезно впоследствии. Женщины съ особенною нѣжностію заботились о своихъ питомцахъ, а дѣти привязывались къ своимъ кормилицамъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе знали своихъ родителей. Заботливость воспитателей о своихъ питомцахъ происходила отъ народнаго убѣжденія, что вредъ, сдѣланный аталыкомъ своему питомцу, навлекаетъ неотвратимое несчастіе на все семейство аталыка, преимущественно на вормилицу.

Главное воспитаніе состояло въ обученіи отлично владѣть оружіемъ, умѣть выѣзжать боеваго коня, быть ловкимъ на хищничествѣ, умѣть уйти отъ погони и неожиданно напасть на непріятеля; словомъ, всему тому, что могло сдѣлать изъ питомца отважнаго хищника и храбраго джигита.

Аталыкъ, нося на плечахъ своего питомца, напѣвалъ ему удалую пѣсню, въ которой высказывалъ свои желанія и качества, которыми долженъ обладать въ жизни его питомецъ.

— Баю, баюшки, мой свѣтъ—пѣлъ онъ младенцу—выростешь великъ, молодцомъ будь, отбивай коней и всякую добычу, да не бывай меня старина.

Аталыкъ обязанъ былъ вскормить питомца, выучить его стрѣльбѣ въ цѣль, пріучить къ безропотному перенесенію бессонницы, голода,

труда и опасностей. Когда воспитанникъ подросталъ, то получалъ въ подарокъ отъ друзей *мазлузъ* — оружіе и лошадей, и съ ними отправлялся, въ сопровожденіи надежныхъ людей, на хищничество, сначала легкое, а потомъ и болѣе трудное. Какъ младшій въ партиі, онъ долженъ былъ ночью караулить лошадей, заботиться объ ихъ продовольствіи, услуживать хищникамъ и терпѣливо переносить ихъ обращеніе. Съ ними обращался съ нѣкоторой афектаціей, старался показать ему не только неуваженіе, но полное пренебреженіе какъ къ мальчишкѣ, недоказавшему еще ни храбрости, ни хищнической способности.

На обязанности атамыка лежало также ознакомленіе своего воспитанника съ религіею и народными обычаями, для чего онъ водилъ его на народныя собранія и разбирательства. Въ этомъ заключалось почти все воспитаніе черкеса. По отсутствію грамотности на черкесомъ языкѣ, познанія народа были крайне ограничены. Письменность ихъ производилась на арабскомъ и частію на турецкомъ языкахъ. Большая часть князей и старшинъ не знали письменности этихъ языковъ, а потому муллы и эфендіи, знающіе кое-какъ арабскій и турецкій языки, были единственными представителями грамотности въ народѣ, и на народныхъ собраніяхъ и разбирательствахъ ишли боюшой вѣсъ.

Понятія черкесовъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ были невѣжественны, и къ тому же они съ трудомъ перенимали все постороннее. Будучи въ непрерывномъ столкновеніи съ нами, они не понимали что такое Россія и не признавали нашихъ порядковъ. Случалось часто, что старшины, увлеченные личнымъ расположеніемъ къ одному изъ нашихъ частныхъ начальниковъ, заключали съ нимъ мирный договоръ, но хищничали въ предѣлахъ другаго сосѣдняго начальника. Не понимая общей связи и устройства государственнаго правленія, они считали начальника, которому покорялись, самостоятельнымъ княземъ и находили весьма естественнымъ разбойничать въ предѣлахъ другаго русскаго князя. Обыкновенно, когда рассказывали имъ о могуществѣ Россіи, о крестраствѣ ея земель, то они весьма недовѣрчиво качали головою.

— Странно—замѣчали они—зачѣмъ же русскимъ нуждаться въ нашихъ горахъ, въ нашей маленькой землѣ? Нѣтъ, видно имъ негдѣ жить.

Точно такое же понятіе черкесы имѣли о французахъ (франги), англичанахъ (инглись), итшцахъ (ишце) и полагали, что эти государства (края), нѣчто въ родѣ ихъ маленькихъ горскихъ обществъ.

О турецкомъ султанѣ, о Египтѣ, объ Аравіи имѣли болѣшія понятія, потому что ихъ богомольцы бывали въ Турціи, Египтѣ и Аравіи, но ни границъ, ни средствъ этихъ государствъ не знали. Мегметъ—Али-пашу египетскаго и султана турецкаго считали самыми могущественными царями въ свѣтѣ и были увѣрены, что рано или поздно они выгонятъ русскихъ съ Кавказа. Черкесы были чистосердечно убѣждены, что Турція самая могущественная держава въ свѣтѣ, по своему населенію и пространству. Они вѣрили, что султанъ повелѣваетъ всѣми европейскими государствами, что, начиная послѣднюю войну съ нами, онъ не хотѣлъ беспокоить своихъ мусульманскихъ подданныхъ, а приказалъ французамъ и англичанамъ придти и выгнать русскихъ. По словамъ черкесовъ, онъ отправилъ съ этимъ приказомъ своего посланника во Францію и въ Англію.

— Собака вы, невѣрные—сказалъ имъ посланникъ султана—если вы тотчасъ же не придете, мой государь прикажетъ потушить огни въ вашихъ кухняхъ.

Устрашенные угрозою, французы и англичане тотчасъ же явились въ Севастополь выгонять русскихъ изъ Крыма (*).

При такой низкой степени развитія и нежеланіи обогащать свои познанія, воспитаніе черкеса было немногосложно. Родители, во все время воспитанія сына, дѣлали аталыку частыя и значительныя вспомошествованія и, кромѣ того, два раза богатые подарки. Первый разъ дарили тогда, когда онъ привозилъ своего питомца напоказъ, а второй, когда сдавалъ окончательно на руки родителямъ. Еще большее вознагражденіе получалъ аталыкъ, когда воспитанникъ его въ первый разъ, какъ говорится, *вкладывалъ ногу въ стремя*. Отправляясь тогда съ визитами къ своимъ роднымъ и пріятелямъ отца, молодой человекъ получалъ отъ нихъ щедрые подарки, которые почти цѣлкомъ поступали въ пользу аталыка.

Во все время воспитанія, родители не должны были позволять себѣ ни малѣйшей нѣжности и ласки къ своему ребенку, и при свиданіи не показывать даже виду, что узнавать его. Подавляя въ себѣ природное чувство любви къ дѣтямъ, черкесы избѣгали видѣть дѣтей своихъ до ихъ совершеннолѣтія. Причина та, что родительская нѣжность считалась дѣломъ въ высшей степени неприличнымъ, и служила выраженіемъ слабости, недостойной мужьяны и воина. По понятію черкесовъ, при воспитаніи дѣтей слѣдуетъ избѣгать всего, что можетъ нѣжить юную душу.

Когда аталыкъ считалъ воспитаніе молодого князя совершенно

(*) Позадна къ кавказскимъ горцамъ 1863—1864 г. Еж. пр. изъ Р. И. 1865 г. № 21.

оконченныиъ, и когда воспитанникъ его достигалъ до известныхъ опредѣленныхъ лѣтъ, тогда онъ собиралъ всѣхъ своихъ родныхъ и задавалъ пирь.

Абадзехскій старшина Магометъ—Касай, окончивъ воспитаніе Шерлетуко Болотогова, по случаю возвращенія его къ отцу, задавъ пирь на весь за-кубанскій край. За двѣ недѣли до дня пиршества сованы были дѣвицы и молодые люди со всего края; составилъ огромный общій кругъ. Въ то время, когда молодые танцовали, князья и наѣзники производили бѣшеную джигитовку въ срединѣ круга. Въ теченіе десяти дней, атамыкъ кормилъ на славу всѣхъ прибывшихъ къ нему многочисленныхъ гостей.

Подаривши своему питомцу коня, надѣливъ его хорошими вооруженіемъ и одеждою, атамыкъ отводилъ его въ домъ родительскій, въ сопровожденіи музыканта, которому обыкновенно отецъ воспитанника дарилъ лошадь. Съ этого времени атамыкъ считалъ свою обязанность оконченною, но воспитанникъ часто такъ привязывался къ атамыку, что любилъ его больше, чѣмъ своего отца. Бывали случаи, что въ ссорахъ отца съ атамыкомъ молодой человекъ принималъ сторону атамыка, которому часто отдавалъ все, что только могъ, и исполнялъ всѣ его желанія.

По приѣмъ сына, отецъ дарилъ атамыка и вознаграждалъ его за труды и расходы. Богатство и щедрость князя опредѣляли мѣру вознагражденія. Обыкновенно князь давалъ атамыку нѣсколько штукъ скота, лошадей, разныхъ вещей, а иногда два или три семейства крестьянъ, что составляло за Кубанью значительную сумму.

Князь могъ отдать своего сына на воспитаніе человѣку низшему по происхожденію, но самъ могъ воспитывать у себя только княжескаго ребенка. Дворяне, какъ и князья, отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе атамыкамъ. Женскій полъ княжескаго происхожденія тоже отдавался, въ прежнее время, на воспитаніе къ постороннимъ лицамъ. Дѣвушки воспитывались въ чужихъ домахъ до 12 или 13-лѣтнаго возраста, а иногда оставались тамъ до замужества, и тогда колыжь за невѣсту принадлежалъ атамыкамъ.

Атамычна учила дѣвушку женскимъ работамъ, объяснила ей будущее ея положеніе и обязанности, и, принадлежа по большей части къ лицамъ высшаго происхожденія, она отдавала первенство своей княжѣ-воспитанницѣ и соблюдала при ней во всемъ строжайшій этикетъ (*).

(*). Дебу—О кавказской линіи и проч. издан. 1829 г. Зубовъ.—Картини Кавказскаго края, часть III; замѣчанія на статью „Законы и обычаи кабардацкыи“ Т. LXXII. Отд. I.

И при возвращеніи дѣвушки въ родительскій домъ задавались пиры, на которыхъ ѣли и пили до-отвалу. Вообще угощенія и общественная тризна сопровождали всѣ важныя событія въ жизни черкеса, не исключая и похоронъ.

Когда черкесь умиралъ, то въ саклю сходились всѣ родственники и знакомые умершаго, оплакивали его, били себя въ грудь и голову, царапали лицо и тѣмъ высказывали свою горестъ. Жители побережья Чернаго Моря, и вообще магометане, не сопровождали похоронъ никакими религіозными обрядами. Покойника зашивали въ холстъ, относили на кладбище, головою впередъ, и зарывали безъ всякой молитвы.

Абадзехи закрывали покойника доскою, засыпали ее землею, а поверхъ ея наваливали каменья. По понятіямъ ихъ, каменья, положенныя на могилѣ покойнаго, «помогутъ ему затушить вѣчный огонь, въ день страшнаго суда, въ который предназначено всѣмъ камнямъ превратиться въ воду».

Присутствующіе на похоронахъ возвращались въ саклю покойнаго, въ которой, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ, разстилали циновку, клали на нее подушки, и, если покойникъ былъ мужчина, то на подушкахъ размѣщали оружіе и кисеть съ табаконъ. Желающіе приходили во всякое время оплакивать покойника, набивали трубку даровымъ табаконъ и, покуривая ее, проводили такъ время, сидя или лежа на циновкѣ. Эта церемонія продолжалась, смотря по состоянію родныхъ умершаго, иногда недѣлю, мѣсяць, а иногда и годъ, слѣвомъ до тѣхъ поръ, пока родные успѣвали приготовить достаточный запасъ для послѣднихъ поминокъ, продолжавшихся по большей части около трехъ дней.

Обычай оплакиванія существовалъ прежде и между черкесами—магометанами, но въ послѣднее время духовенство запретило громкія изъявленія горести и преслѣдовало пѣсни, поминки и джигитовку.

Теперь, послѣ смерти магометанина—черкеса, его тотчасъ же обмываютъ, покрываютъ бѣлымъ саванонъ и, по истеченіи двадцати четырехъ часовъ со времени кончины, зрываютъ въ могилу. Совершаемыя по умершемъ поминки бывають безъ тризны и имѣють чисто-религіозный характеръ. На поминки собирають сколько можно болѣе

Ханъ-Гирей „Кавк.“ 1846 г. № 11. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ Шахъ-бекъ Мурама „Кавказъ“ 1849 г. № 36 и 37. Этнографическій очеркъ черкесскаго народа барона Стала (рукопись). Воспоман. кавк. офицера „Рус. Вѣст.“ 1864 г. № 10 и 11. О политическомъ устройствѣ черкесскаго племени Кардгова. „Рус. Вѣст.“ 1861 г. № 16. Залубанскій край. П. Невскій. Кавк. 1868 г. № 100.

буль и эфендіевъ, творять продолжительный намавъ и угощаютъ званныхъ гостей, между которыми должны находиться всѣ сосѣдніе бѣдинни. Раздача при этомъ милостыни составляетъ главный актъ поминковъ.

Между тѣмъ, надъ могилою покойнаго ставятъ каменный или деревянный столбъ съ шаромъ наверху или съ изображеніемъ чаши и съ надписью имени и отечества покойнаго. Большихъ кладбищъ не было; покойниковъ хоронили тамъ, гдѣ онъ назначалъ самъ умирая, и для этого выбирались самыя живописныя мѣста. Если же и встрѣчались кладбища, то лишь изъ нѣсколькихъ могилъ. Вблизи могилъ почти всегда вросло сухое дерево съ вѣтвями, гдѣ проѣзжающій черкесъ можетъ остановиться, зацѣпивъ поводья лошади за вѣтви, совершить у ближайшаго источника омовеніе и, разостлавъ у гробницы бурку, на колѣняхъ помолиться за упокой души усопшаго. Молиться на гробъ *шаида* (мученика), убитаго въ сраженіи съ русскими, по внушенію мусульманскаго духовенства, было великою заслугою, и помолвившійся на подобной могилѣ могъ сподобиться такой же благодати, какъ бы онъ сходилъ въ Мекку на поклоненіе гробу пророка.

Въ Кабардѣ существуетъ обыкновеніе класть на могилу умершаго вырѣзанное изъ дерева небольшое изображеніе того, чѣмъ занимался покойникъ при жизни. Такъ, если онъ былъ воинъ, то изображается изъ дерева оружіе; если онъ приготавлиалъ арбы, то кладутъ на его могилѣ маленькую арбу; если же онъ былъ кузнецъ, то маленькій деревянный молотокъ и т. п. Надъ могилами князей, похороненныхъ въ прежнее время, ставились памятники изъ камня или каменныхъ доски съ надписью, или же небольшія, въ три аршина вышины, конусообразные памятники съ доскою, на которыхъ вырѣзана молитва. Такіе памятники встрѣчаются и за Кубанью.

По праводу берегу р. Мдымты, за главнымъ хребтомъ, на прибрежьи Чернаго Моря, есть историческое урочище *Кбаада*, на которомъ закончилась кавказская война. На одной изъ площадокъ этого урочища, «испещренной красивыми полевыми цвѣтами, говоритъ очевидецъ, разбросаны были могилы горцевъ, сохранявшіяся весьма тщательно, что доказываютъ устроенные надъ ними павильоны и памятники изъ тесанаго камня».

Въ послѣднее время, памятники и тризна при похоронахъ вышли изъ моды у черкесовъ.

Однимъ изъ послѣднихъ лицъ, похороненныхъ по древнимъ обычаямъ, былъ теширгоевскій князь Мисоустъ Болотоковъ. Похороны были произведены скромно, при ближайшихъ только родственни-

какъ, оплакивавшихъ его девять дней. Въ продолженіе цѣлаго года постель покойнаго была застлана, кругомъ нея развѣшано его оружіе: панцырь, лукъ, колчанъ и сѣдло—знавъ, что родные готовы принять покойника. У кровати стояли красные чевяки, а на маленькомъ столикѣ положены были хлѣбъ, соль и поставлена въ подсвѣчникѣ потухшая свѣча—символъ угасшей жизни. Въ теченіе цѣлаго года, родственники, пріѣзжая навѣщать, дѣлали *ходанъ*—печальное почтеніе. Ровно черезъ годъ, родственники и аталыжъ покойнаго съѣхались на тризну. Собравшись на могилу, гдѣ на столбѣ были развѣшаны всѣ доспѣхи покойнаго, вывели осѣдланную лошадь, среднугустыхъ залповъ обвели ее семь разъ кругомъ могилы и отрубилъ ей шашкой уши. То же сдѣлали со своими лошадьми и всѣ присутствующіе, такъ что на могилѣ Болотокова были отрублены уши 280 лошадямъ. Мѣстные поэты пѣли импровизацію про подвиги Болотокова. Послѣ пѣнія, наступила джигитовка, а затѣмъ раздѣлили между собою платье, оружіе и лошадей покойнаго. На угощеніе было зарѣзано четыре быка и пятьсотъ барановъ; пѣвцамъ сыновья покойнаго подарили одиннадцать душъ крестьянъ (*).

(*) Этнографическій очеркъ черкесскаго народа барона Стала (рукопись). Закубанскій край въ 1864 году. П. Невелій. Кавказъ 1868 г. № 100 и 101. Дебу „О кавказской ливніи“ и проч. изд. 1829 года. Воспомин. кавк. офицера „Рус. Вѣст.“ 1864 г. № 12. Басейвъ Псекуса. Николай Каменевъ. Кубанскія войсковыя вѣдомости. 1867 г. № 2.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе будетъ).

ОПЕЧАТКИ.

Въ предъидущей статьѣ замѣчены слѣдующія ошибки:

Стр.	125	строка	1	снизу	Напечатано:	Должно быть:
—	126	—	1	—	потребленіи	употребленіи
—	136	—	11	—	1851 г. № 10	1864 г. № 10
—	172	—	4	—	попросилъ	попросить.
—	175	—	3	—	1816 г. № 46, № 42	1846 г. № 42
—	178	—	3	—	1849 г. № 73	1849 г. № 37.
—	178	—	5	сверху	цѣлѣю	цѣлѣю.
—	178	—	6	—		
—	179	—	5	—		
—	181	—	20	—	темирговскій	темиргоевскій.